

Юлиана Чернышева

Кривые дорожки к трону

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Илгерта Таури знает, чего хочет от жизни. Но для исполнения заветной мечты ей придется немного подождать. В конце концов, побыть несколько лет супругой племянника короля – не такая большая плата за собственную свободу.

Вот только никто не предупредил, что к обручальному кольцу прилагаются нападения, похищения, запрещенные артефакты, появившиеся из небытия родственники и семейные тайны, которые грязнее брусчатки дастарских мостовых.

Юлиана Чернышева

Кривые дорожки к трону

Кулон несколько раз дернулся на цепочке, привлекая к себе внимание как раз в тот момент, когда я закончила напивать артефакт силой и устало откинулась на спинку стула. Все мышцы тела затекли, руки тряслись, словно накануне я перебрала шатэ^[1], а глаза... Я порадовалась, что не нанесла утром макияж, иначе выступившие слезы подпортили бы его.

– Слушаю? – вопросительно произнесла я, коротко коснувшись кончиками пальцев эха^[2].

– Гера, ты дома? – Голос отца раздался прямо в голове, и отвечать ему можно было мысленно, но я не видела в этом необходимости – в моей мастерской никого не было.

– Да, папа, у себя. Что-то случилось?

– Зайди ко мне, пожалуйста, – не отвечая на вопрос, попросил он и отключился.

Я поднялась со стула и прошла до окна, разминаясь. А заодно раздумывая над тем, для чего могла понадобиться папе. Последнюю пару месяцев он был почти всегда занят и домой возвращался разве что переночевать, да и то не всегда. И если большинство из нас – его дочерей – были уже взрослыми и не слишком нуждались в отцовском внимании, то двое младших очень скучали, а Адели даже плакала по ночам.

Так и не придумав более-менее правдоподобной причины, я разгладила подол платья и направилась к выходу. Почти доделанный артефакт благополучного материнства остался лежать на столе.

Папа привычно расположился в своем кабинете. Отметившись мимолетным стуком, я впорхнула в помещение, чтобы тут же замереть на пороге, а после склониться в глубоком реверансе.

– Светлого дня, ваше величество. Светлого дня, отец.

Отсутствие макияжа сразу стало не благом, а почти катастрофой, к тому же я не соизволила по пути посмотреться в зеркало, так что могла лишь представить, на кого сейчас похожа после бессонной ночи, проведенной за работой.

– Светлого дня, лайди^[3] Илгерта, – делая знак подняться, откликнулся Инзор Аратэр – король Дастара и непосредственный начальник отца. – Прошу вас, присаживайтесь.

подавив дрожь в пальцах то ли от перенапряжения, то ли от волнения, я послушно проследовала к свободному креслу – одному из двух подвинутых к столу – и расположилась в нем, расправив платье и сложив пальцы в замок. Безусловно, я была официально представлена королю еще девять лет назад и с тех пор часто имела честь лицезреть его как на балах во дворце, так и на семейных мероприятиях у нас дома, которые он не гнушался посещать. Но что-то подсказывало мне, если король пожелал присутствовать при нашем с отцом разговоре, едва ли речь пойдет о модных в этом сезоне цветах или карточных играх. Хуже того, могло оказаться, что это отцу было позволено присутствовать при разговоре его величества со мной.

– Гера, – отвлекая меня от беспокойных мыслей, позвал папа, – разумеется, я помню, до твоего двадцатипятилетия еще четыре месяца, но, к сожалению, ситуация такова, что вынужден просить тебя подписать брачный договор гораздо раньше. Точнее, буквально на днях.

В горле пересохло. Несколько минут назад я была свободной лайди, а теперь...

– Отец... могу я узнать имя моего... жениха? – Произнести последнее слово стоило большого труда.

Смотрела я при этом куда-то мимо, на деревянные стенные панели. К сожалению, в свои зрелые для человека, но довольно юные для мага годы я научилась много чему полезному, но так и не сумела окончательно освоить самоконтроль.

– Лайди Илгерта, – перехватив инициативу, вновь обратился ко мне король, и взгляд пришлось перевести на него. Иное было бы не просто неприлично, а практически оскорбительно. – Я здесь, чтобы просить вас стать супругой астэт-арла^[4] Ирвина Аратэра.

Спасибо всем богам, что я попросту окаменела от услышанного, в противном случае челюсть могла бы совершенно неаристократично устремиться вниз. А мозг тем временем лихорадочно выдавал информацию. Итак, астэт-арл Ирвин Тэймари Аратэр племянник короля, сын его младшей сестры. Тридцати лет от роду, стихийный маг с доминирующей стихией воздуха, закончил столичную академию в тот год, когда туда поступила я. Близких родственников, кроме непосредственно короля и кузена – принца Истара, нет. Родители и старший брат погибли в результате попытки переворота, когда Ирвину было три года. С тех пор он воспитывался во дворце наравне с принцем. Заместитель главы департамента правопорядка по преступлениям, связанным с магией. Привлекателен, у женщин пользуется успехом. Однако официальной фаворитки у него нет и, кажется, не было.

– Лайд^[5] Ирвин уже знает? – спросила, заметив, что, пока я была погружена в мысли, мужчины просто молча наблюдали за мной. А потом вспомнила, что так и не ответила на вопрос короля. – Прошу прощения, ваше величество. Это большая честь для меня, и я с радостью приму предложение вашего племянника.

Другой вопрос, что моего будущего супруга, скорее всего, так же поставили перед фактом. И о том, что он собирается сделать мне предложение, лайд Ирвин едва ли догадывался до сегодняшнего дня.

– Да, с Ирвином я уже поговорил. Мы посетим вас сегодня вечером, если вы не против. Хотелось бы дать вам возможность познакомиться в более приватной обстановке.

– Ты же знаешь, Инзор, – слегка укоризненно откликнулся отец, которому давняя дружба с королем позволяла подобное панибратство. – Двери моего дома всегда открыты для тебя и твоей семьи. Гера, распорядись насчет ужина.

Пожалуй, в дальнейшем моем пребывании здесь и вправду не было необходимости. И, изобразив еще один реверанс, более легкий, я покинула кабинет отца, где услышала не слишком благоую весть.

Здесь, видимо, стоило сделать лирическое отступление и кое-что прояснить. Конечно, семейные тайны и должны оставаться таковыми, но в противном случае смысл всей этой истории, приключившейся со мной, будет неясен.

Зовут меня Илгерта Таури, и я средняя дочь Навастира Таури – придворного мага Дастара. Ну, точнее, это я так говорю – средняя. На самом деле шестая из одиннадцати дочерей своего отца. Цифра впечатляет и обычно ввергает собеседников в шок, а потому я предпочитаю не озвучивать ее без должной причины. Особенно если учесть, что обычно в ответ слышу: «Повезло же вашей матушке!» Почему меня так это беспокоит? Да хотя бы потому, что такое слово в моем лексиконе практически отсутствует за ненадобностью. Да, мамы у меня нет. Предваряя глупые вопросы и ненужные соболезнования, уточню – в моей жизни. Вне сомнений, где-то эта наверняка достойная во всех смыслах женщина существует,

но лично я с ней, как и она со мной, не знакома. То же самое могу сказать и о сестрах. Впрочем, ни одна из нас по этому поводу не переживает.

Отец, при всей своей занятости, никогда не забывает о нас и готов уделить время каждой, кто в нем нуждается. Об иных благах и говорить не стоит. У нас чудесный дом в центре столицы с дивным садом, нам всегда предоставлялись лучшие гувернантки и учителя, были открыты двери в любую из школ и академий страны, нас никогда не ограничивали в деньгах на наряды и украшения. Все запреты подразумевали лишь одно – блюсти свою совесть и честь семьи. Отец, правда, однажды выразился более конкретно – если уж совершаешь нечто преступное или аморальное, будь добр сделать это так, чтобы не оставить свидетелей или улики. Так как я ни тем, ни другим не увлекалась, то и лишних проблем не возникало. Но если бы вдруг возникли и я была действительно виновата, отец едва ли пошевелил бы пальцем, чтобы помочь. В детстве, получая заслуженное наказание за проступки, я была крайне возмущена подобными методами воспитания. Но сейчас, будучи уже взрослой и общаясь с большим количеством людей, да и нелюдей тоже, не могла не отметить, что папа, как всегда, оказался прав. Противно было смотреть на тех, кому родительское положение застило глаза. Чувствуя вседозволенность, эти лайды и лайди не считали нужным ограничивать себя в словах и поступках, отчего иногда вели себя хуже, чем животные. Так что мне стоило поблагодарить всех богов за то, каким был мой отец.

Но за все рано или поздно приходится платить. Это правда жизни, и я воспринимаю это именно так. Дело в том, что отец не только придворный маг и друг короля, он еще и монархист до мозга костей. И для укрепления королевской власти сделает все, что в его силах, а одним из лучших способов налаживания связей и обеспечения гарантий всегда являлись династические браки. Конечно, в наше время многие отказались от подобного устройства жизни своих детей, но большинство аристократов по-прежнему следовали традициям. И наша семья не была исключением. Наверное, странно так относиться к замужеству в моем возрасте, но не припомню, чтобы когда-либо вообще мечтала о сумасшедшей любви с первого взгляда, шикарной свадьбе и выводке детей. Нет, мои интересы лежали совершенно в другой области. Неплохо разбираясь в теоретической магии, я выбрала именно эту стезю и окончила соответствующий факультет с альрамовой лентой^[6] по специализации «создание и обслуживание артефактов». Да, меня ждала блестящая карьера мастера-артефактора – я в этом почти уверена. Но только спустя пять лет.

Почему именно этот срок? Здесь все просто. Брачный договор, который мне, по примеру сестер, предстояло подписать, ограничивался именно этой цифрой. Пять лет, в течение которых я должна была быть достойной супругой племянника короля, лайдис^[7] Илгертой Аратэр, по возможности родить ему наследника, а затем – вольная жизнь откроет свои двери. Кольцо на пальце и пять лет в стенах чужого дома в обмен на дальнейшую свободу. Не такая уж высокая цена, не так ли?

Единственное, что беспокоило, так это кандидатура жениха. Нет, у меня не было к нему ровным счетом никаких претензий. Хотя бы потому, что лично мы знакомы не были и нигде, кроме дворца, не пересекались. К счастью, к его службе я не имела никакого отношения. Просто я не понимала цели такого брака. Явно же, что причина не в том, чтобы привязать Ирвина к трону – он и так член королевской семьи, один из немногих. И его поддержка политики короля не должна вызывать ни малейшего сомнения. Такому человеку уж точно не место в оппозиции. Значит, дело в чем-то другом. Но в чем? Естественно, не мне тягаться в придворных интригах с его величеством и отцом, но знать, во что ввязываюсь, точнее – во

что меня впутывают, хотелось.

Заглянув на кухню и напугав поваров и прислугу сообщением о том, что сегодня нас почтут вниманием особы королевской крови, я направилась обратно в мастерскую. Нужно было упаковать созданный артефакт – хотя доступ посторонним в это помещение был ограничен, я старалась не оставлять подобные вещи без присмотра. А конкретно эту и вовсе следовало передать хозяйке – моя лучшая подруга Налиада вот-вот должна была произвести на свет сына.

Работа всегда доставляла мне искреннее удовольствие. Усаживаясь за стол, обычно я забывала обо всех проблемах и отрешалась от внешнего мира. Сегодня же все было иначе. Самое элементарное – чарование цепочки от кражи, потери и порчи – выходило из рук вон плохо. Возможно, кто-то другой и оставил бы все как есть, но преподаватели нашей академии из года в год твердили, что нужно либо делать все идеально, либо не делать вовсе. Это, в какой-то мере, и было моим девизом.

На третьей, не увенчавшейся успехом попытке я сбросила цепочку в ящик с некондиционными изделиями с обещанием самой себе обязательно вернуться к ней когда-нибудь. Впрочем, такие клятвы давались мной часто, но выполнялись не всегда. В конце концов, переделать что-то в два раза сложнее, чем сделать все заново. А недостатка в материалах я никогда не испытывала.

Любопытная идея пришла в голову, пока я освобождала нужную, уже сделанную ранее цепочку с подобными свойствами от артефакта спокойствия. Этот заказ у меня так и не забрали, видимо, необходимость в нем отпала, но уж мне-то он мог сослужить неплохую службу. Убирать подвеску обратно не стала, отложив ее в сторону. И вернулась к подарку Налиаде.

Крупный рубин в переплетении нитей из червленого серебра смотрелся на цепочке из того же металла довольно неброско, но суть его была как раз в свойствах, а не во внешней красоте. К тому же этот камень определенно шел к черным волосам и глазам будущей владелицы. Успокоив себя этим, я упаковала артефакт в бархатную шкатулку с личным клеймом на крышке и прикоснулась к эхо.

Конечно, лучше всего было вручить подарок Нале лично в руки, но тогда поход в гости мог затянуться до вечера. А свободного времени у меня было немного. Так, поколебавшись несколько секунд и убедив себя, что этот вариант будет куда более подходящим, я постучала к мужу Налиады и своему хорошему другу. Волей судьбы – спасибо тебе, Аддария, – Тилистер, будучи старше меня на три года, после выпуска работал как раз в ведомстве моего будущего супруга. А это значило, что я вполне могла совместить приятное с полезным – и передать артефакт по назначению, и получить ценные, а главное, правдивые сведения по интересующей теме.

Мысленное «хм» Тили донеслось до меня спустя пару секунд после стука. Правда, за этим ничего не последовало. Немного послушав тишину, перемежающуюся мерным сопением, предприняла еще одну попытку дозваться друга.

– Тиль?

– Конечно, милая, заривийские апельсины и шинтайская льяса^[8], ничего не перепутаю, – совершенно сонным голосом откликнулся он.

Я, не выдержав, зафыркала от смеха. Тилистер, очевидно, и впрямь заснул на рабочем месте. Судя по звуку, он взвился со стула и уронил что-то тяжелое. Возможно, даже сам стул.

– Гера? – спустя несколько секунд вопросительно протянул он.

– Гера, Гера, – поспешила успокоить его я. – Совсем тебя, беднягу, жена довела?

– Молчи лучше. Ты себе не представляешь, как сложно ночью найти архайнову шинтайскую льясу. И чем, скажи на милость, она от дастарской отличается?

– Одна мельче и слаще, вторая крупнее и кислее. Кажется. Или наоборот...

– В общем, это не так уж и важно. Потому что когда я вернулся домой, Нала все равно уже спала. А сегодня ночью она придумает что-нибудь новенькое. Мой тебе дружеский совет – не женись. – Я, словно наяву, увидела, как Тиль устало потирает лицо руками.

– Вот не жениться – это я тебе точно обещаю. А вот с советом не выходить замуж ты опоздал... буквально на час.

– О, неужели? – Тилистер на правах хорошего друга был посвящен в своеобразные традиции моей семьи. – И кто же счастливчик? Ставлю альд^[9], что это витте-арл Радаско.

– С такими ставками ты семью разоришь, – усмехнулась я, присаживаясь на кушетку.

Впрочем, если бы я еще не знала имени жениха, могла согласиться с предположением друга. Ладамир Радаско, как один из лидеров оппозиции, был бы хорошим выбором, даже несмотря на более низкий, по сравнению с отцом, титул. Тем более что он был старше меня на какие-то десять лет, да и внешностью боги его не обидели. Не то чтобы это имело такое значение, но за совсем уж старых развалин или уродов, как физических, так и моральных, ни одну из сестер замуж не выдали. На каждого из потенциальных женихов собиралось такое досье, что в них вполне можно было обнаружить и расположение родинок у возможных претендентов, и список посещаемых ими заведений с датами, временем и заказанными блюдами. Вполне вероятно, королевский родственник такой участи избежал, но это не значит, что такого досье вообще не существовало. В конце концов, личные дела сотрудников департамента никто не отменял. А Тиль как раз является человеком, имеющим к ним доступ.

– И долго ты будешь меня томить? – Пока я была погружена в размышления, Тилистер терпеливо ждал, но в итоге не выдержал: – Жажду узнать, кто же этот счастливчик?

– Твой начальник, – коротко откликнулась я, давая ему возможность догадаться самому, кого конкретно имею в виду.

Но то ли на невесту Ирвина Аратэра я не тянула, то ли еще по какой-то причине, но в следующей фразе Тилистера звучал весь ужас осознания ситуации:

– Гном?!

Гномом, за малый рост, прозвали главного архивариуса департамента правопорядка Пастера Ноулда, закоренелого холостяка и известного женоненавистника. Поэтому прозвучавшее имя и впрямь вызвало во мне дрожь от ужаса.

– С ума сошел?! – не менее экспрессивно отозвалась я. – Другой начальник!

– Илгерта, душа моя, только не говори, что ты таки набилась в родственницы к королю... – Тон его стал вкрадчиво-издевательским. Знает ведь, поганец, что пока мы увидимся, мое желание отвесить ему дружеский подзатыльник испарится. Знает и с радостью этим пользуется.

– И не скажу. Это папа с ними породниться решил, я тут вовсе ни при чем.

– Ну конечно. Я, весь такой наивный, разумеется, тебе поверил. Погоди-ка, а не связана ли новость о твоей скорой помолвке с лайдом Ирвином с тем, что ты позвонила мне в столь неурочный час?

– С каких пор полдень является неурочным часом? – попыталась откреститься я.

– Темнишь, Гера, темнишь. Рассказывай, чего тебе от меня надо?

– Досье на Аратэра, – вздохнув, призналась я. – И можешь оставить себе выигранный мной альд.

Тилистер присвистнул. Ну да, моя просьба была не слишком законной и уж точно непростой, но выполнимой, иначе я не стала бы о подобном просить. Подставлять Тиля ни в коем случае не входило в мои планы, как бы ни хотелось узнать подноготную жениха.

– Ладно, – как следует поразмыслив, вынес он вердикт. – Ничего не буду обещать, но попытаюсь. Если что, заеду к тебе сам. Обедом накормишь?

– Даже сама приготовлю, – пообещала я.

– Нет, спасибо, – поспешно проговорил Тиль, уже знакомый с моими кулинарными способностями, точнее, с их отсутствием. – Вполне можешь поручить это Бетте.

– Договорились. Буду ждать. – И я отключилась, напрочь забыв сообщить о том, что артефакт для Налы готов.

До обещанного прихода Тилистера заняться, в общем-то, было нечем. Старые заказы уже доделаны, а новых пока не было. Так что можно было со спокойной душой предаться одному из любимых женских занятий – выбору наряда на вечер. Что было, если разобраться, не так уж просто. С одной стороны – нас посетит королевская семья, а это значит, что надеть нужно было один из лучших своих туалетов. С другой же... Вы когда-нибудь сидели за столом в роскошном платье с множеством юбок, жестким корсетом и богато украшенными рукавами? Я сидела. И могу авторитетно заявить, что это неудобно ровно настолько, насколько вообще может быть. Буквально через несколько минут наряд превращается в орудие пыток, и все, о чем остается думать, – скорее бы закончился вечер.

К тому же его величество сам упомянул о приватной обстановке. А уж она, в моем понимании, обязательно должна включать в себя удобство и комфорт.

Уповая на эти доводы, я выбрала платье простого кроя, без обилия нижних юбок и с довольно скромным декольте, зато насыщенного сапфирового цвета, который был удивительно мне к лицу. Впрочем, с равным успехом шли и другие, в меру темные, но глубокие цвета – алый, зеленый, сиреневый. Внешностью я, очевидно, пошла в матушку, уроженку Шинтая. Это они отличаются смуглой кожей в сочетании со смоляными волосами и черными глазами. Остается только догадываться, была ли она аристократкой или же танцовщицей в бродячем балагане. Но это меня волновало меньше всего. Если эта женщина добровольно отказалась от своего ребенка, едва ли она вспомнит о нем спустя столько лет. Да и что я бы могла ей сказать? Здравствуй, мама, я так рада тебя видеть? Мое лицемерие не простиралось до таких границ.

К платью я подобрала туфли на низком устойчивом каблуке. Ирвин Аратэр высоким ростом не отличался, я же, напротив, для девушки была довольно рослой. Так что уменьшать эту разницу шпилькой было ни к чему.

Прической всегда занималась камеристка, и оставалось лишь выбрать украшения, коих в моих закромах было, без преувеличения, великое множество. Отец всегда старался подобрать в подарок на день рождения или исход^[10] года что-то оригинальное и нужное, а мужья сестер обычно отдаривались ювелирными изделиями. И хорошо, если их можно было впоследствии носить. Супруг Диатриссы, к примеру, придерживался мнения – чем дороже, тем лучше. В результате альрамовое убожество, хоть и стоило целое состояние, смотрелось так, что вызывало один лишь ужас, а отнюдь не желание примерить. Да и предпочитала я другим, пусть и более дорогим, металлам серебро.

Отложив выбранный комплект, вновь оказалась перед выбором – чем заняться. Вынужденное безделье выматывало сильнее иной деятельности. Взглянув на изящный циферблат ручных часиков, я решила навестить сестер. Десятилетняя Адели и тринадцатилетняя Мадлен были еще слишком малы для поступления в школу и находились на домашнем обучении. Что девочек, понятное дело, не радовало. Поэтому я старалась по возможности найти время и заглянуть к ним, а то и взять с собой на прогулку. Одевалась попроще, становясь похожей скорее на гувернантку, и догадаться, что две очаровательные блондинки приходятся мне сестрами, было сложно.

– Ила!

Еще не успела закрыться за моей спиной дверь, как Адели уже неслась ко мне, разом позабыв про аристократическое воспитание и поведение, приличествующие юной лайди. Илой она звала меня с детства – с тех самых пор, когда буква «р» была для нее непреодолимым препятствием.

Поймав маленькую и легкую для своих лет сестренку на руки, я поцеловала ее в макушку и немного покружила, вызвав перелив звонкого смеха. Мадлен подошла более степенно и, получив свой поцелуй, прижалась с другого бока.

– Светлого дня, Гера. – Откладывая в сторону тяжелый том «Титулы и эйды», лайдин Силета с трудом поднялась со стула и шагнула вперед, раскрывая объятия, в которые я с удовольствием скользнула, отпустив сестренку.

Да, мы не знали матерей, но это вовсе не значило, что были лишены материнской любви. Папина младшая сестра, овдовев еще в молодости, замуж так больше и не вышла, сосредоточив все внимание на нас. И даже сейчас, находясь в почтенном возрасте из-за отсутствия магических способностей, которые позволяют выглядеть и чувствовать себя молодой, тетушка сама занималась образованием и воспитанием племянниц, не доверяя никому. Конечно, науки девочкам преподавали другие специалисты, а вот титулоположение и этикет были коньком лайдин Силеты.

– Светлого дня, зайни^[11]. Как ваше здоровье? – вглядываясь в испещренное морщинами лицо, поинтересовалась я.

– Все хорошо, милая, – улыбнувшись, откликнулась тетушка.

В этом была она вся – никогда не признающаяся в своих проблемах, всегда готовая прийти нам на помощь, отбросив любые дела. Но возраст брал свое – это было видно невооруженным взглядом. И я сделала мысленную пометку поговорить о ней с отцом. Только он мог убедить сестру взять перерыв и заняться своим здоровьем. На горячих источниках Шинтая работали одни из лучших человеческих целителей – представителям других рас тетушка почему-то не доверяла. И периодически, при настойчивом заверении папы, что несколько недель без нее мы вполне продержимся, лайдин Силета отправлялась на южный берег.

Так что озвучивать планы я не стала, лишь кивнула, улыбаясь в ответ. И задумалась, как бы ненавязчиво отправить тетушку немного отдохнуть. Испарина на высоком лбу, чуть дрожащие руки, тяжелое дыхание – все это лучше слов говорило о том, что преподавание дается ей все сложнее. На помощь пришла младшая сестра, от которой я подобного внимания и чуткости не ожидала.

– Зайни, – вынырнула из-за спины Адели, уставившись на нее глазами безгранично невинного и милого существа, – а можно нам Ила расскажет сегодняшнюю тему? Она же все знает...

Такая вера сестры в мои способности была, безусловно, приятна, хотя и безосновательна. Всего я при всем желании знать не могла. А вот внушительный том, постоянно лежащий на столе, зубрила в свое время чуть ли не наизусть.

Мадлен присоединилась к ней, выражая согласие пусть и не вербально, зато очень искренне. К сожалению, Мади с детства не могла говорить, и никакие средства, лекарства, методики и заклинания не смогли ей помочь. Но на слухе или умственных способностях девочки недуг, к счастью, не сказался. Даже наоборот, почти все учителя отмечали незаурядные способности сестренки схватывать информацию на лету. А дар к некромантии, пусть и проявлявшийся пока редко и стихийно, давал надежду на хорошее будущее.

– Ну, только потому, что ваша сестра все знает, позволю ей провести этот урок, – с дрожжами от попытки сдержать улыбку губами обратилась к девочкам тетушка. – Но обязательно завтра проверю, как вы его усвоили.

Завитые светлые локоны закачались в знак согласия, и даже я, не удержавшись, кивнула.

– Тогда всего доброго, лайди. – С изяществом истинной аристократки присев в легком книксене, тетушка направилась к дверям.

Три отработанных до автоматизма реверанса, а следом дружное: «Всего доброго, зайни!» донеслось ей в спину. Пожалуй, только я заметила, как тяжело она ступает да как подносит почти украдкой кружевной платочек к губам, заглушая кашель.

– Ну, пташки, рассказывайте, что вы сейчас изучаете? – устроившись за учительским столом и вдоволь налюбовавшись на довольные мордашки сестренек, поинтересовалась я.

– Ну, Ила-а-а, – тут же заканючила Адели, воспользовавшись отсутствием старших и почти укладываясь на стол. – Мы думали, ты расскажешь нам что-нибудь интересное.

– А завтра лайдин Силета поймет, что мы ее обманули. И не знаю, как вам, а мне будет очень-очень стыдно.

Лица сестер погрустнели. И даже светло-голубые глаза, кажется, слегка потеряли цвет.

Мадлен придвинула к себе лист бумаги и писарь^[12], быстро набросала пару строк и подала мне.

– Условно вымершие титулы. Арлы Тосседо, Виарди и Лантес. Носители титула. Причины вымирания.

Я отложила листок в сторону и устремила взгляд в окно, задумчиво постукивая пальцами по крышке стола. Естественно, совершенно глупо было бы полагать, что это подстроил отец, но совпадение было странным. Дело в том, что носителем титула одного из условно вымерших родов был не кто иной, как мой жених – Ирвин Тэймари. Фамилию Аратэр носила в девичестве его мать, а вот отец Тэймар Старески был астэт-арлом Виарди. И если бы уважаемые арлы были живы до сих пор, то и сам Ирвин звался бы Виарди. Это уже король, взяв мальчика на воспитание, дал ему право носить свою фамилию.

А титул астэт-арла Виарди «повис» в воздухе до той поры, пока его не получит сын или внук Ирвина. В сам же арл в таких случаях назначался королевский управляющий, что само по себе было неплохо. По крайней мере, разорение ему, при явной поддержке короны, не грозило.

Вынырнув из мыслей, я вновь повернулась к сестрам, решая, с чего бы начать. Естественно, проще всего было извлечь из недр памяти наизусть заученные параграфы, но был ли в этом смысл? Честно говоря, подобная информация не была жизненно необходима и особо интересна. Но знать это все равно было нужно, хотя бы для общего развития.

Так и не определившись окончательно, я раскрыла книгу на нужном месте и бросила на страницу беглый взгляд. Ну что ж...

– Итак, условно вымершим считается род, последний представитель которого, потенциальный д'арл^[13] из-за каких-либо обстоятельств не может выполнять свои обязанности. Такие обстоятельства подразделяются на две группы – личную и обезличенную. К первой относятся следующие случаи... – Девочки послушно скрипели писарями, поднимая головы от бумаги, когда я делала паузы. – Когда возможный д'арл признан физически немощным или умственно отсталым, что подтверждено комиссией как минимум из трех лекарей^[14] или врачей^[15], когда он признан безвестно пропавшим, пока с момента такого признания не прошло десяти лет. Если он или она лишены титула королевским указом из-за действий, порочащих честь и достоинство аристократа. К обезличенной относится переход в другой род в результате усыновления, удочерения или принятия на воспитание несовершеннолетнего потенциального д'арла. Супружество в том случае, если жених или невеста имеют более высокий титул или эйд. Если потенциальный д'арл является бастардом и не относится к аристократии, титул считается условно вымершим до момента получения им должного воспитания и образования. Опекун при этом назначается королевским указом. В настоящее время к условно вымершим относятся семь родов: астэт-арлы Тосседо, Виарди и Лантес, вите-арл Иранти, нерос-арл Шейтале, а также арлы Фларено и Майсан. Начнем с Тосседо. – Я пролистала пару страниц, остановившись на нужной. Первый д'арл рода смотрел на меня с портрета чуть прищуренным взглядом ярко-зеленых глаз. Художник не пожалел красок, желая как можно более правдиво передать облик Дарашера Алфи – именно так звали в юности будущего прародителя рода. – Итак, род Тосседо насчитывает более чем семисотлетнюю историю. Точнее, указ об основании арла Тосседо, что в переводе означает «пограничные земли», был издан семьсот двенадцать лет назад, в пятьдесят девятом году восьмого века шестой эры его величеством Винсентом Аратэйлом. Дарашер Алфи, будучи сыном простой деревенской ведьмы, обладая лишь пассивным магическим даром, в восемнадцать лет поступил на службу в королевскую армию. За двадцать три года младший лейтенант Дарашер дослужился до генерала, став, таким образом, самым молодым не аристократом, получившим это звание. В пятьдесят восьмом году армия Дастара одержала победу в Астанайском конфликте, благодаря чему часть территорий Орандии вошла в состав королевства. Его величество по достоинству оценил старания трех генералов, в том числе и Алфи. На отвоеванной территории первыми возникли три новых арла – Тосседо, Бреско и Глордо...

Мой рассказ прервал деликатный стук в дверь, и заглянувшая вслед за этим Лисси, одна из служанок, сказала:

– Лайди Илгерта, к вам господин Тилистер. Артеш приказал проводить его в зеленую столовую, обед будет подан через десять минут.

Я кивнула, поблагодарив девушку и отпуская ее.

– На заднем дворе, – вкрадчивым шепотом начала я, замечая, как заинтересованно расширяются глаза сестренки, смекнувших, что едва успевший начаться урок закончен, – на псарне появились щенки. Если переоденетесь и пообещаете вечером прочитать тему самостоятельно...

– Обещаем! – горячо подтвердила Адели, не дожидаясь, пока я закончу. И соскочила со стула, хватая сестру за руку. – Спасибо, Ила, мы тебя любим!

– И я вас люблю, хорошие мои, – умилилась я, наблюдая, как две прехорошенькие

блондиночки следуют к дверям класса. А затем, сложив брошенные ими тетради на краю стола, поспешила навстречу другу.

– Гера.

Тилистер поднялся из кресла, стоило мне только шагнуть в комнату. До этого момента он с повышенным интересом, если не сказать – вожделием, наблюдал за сервировкой стола. Видимо, и вправду проголодался бедняга.

– Ты быстро, – награждая Тиля легким поцелуем в щеку, заметила я. – Садись, ешь, все разговоры потом.

– Вот знаешь ты, Гера, как мужику угодить! – в который раз, не без ехидства, восхитился он, следуя моему совету. – И кому только счастье такое достанется? – И осекся, вспомнив, что старая шутка уже не так актуальна.

– Сомневаюсь, что лайд Ирвин оценит эту черту, – взглядом давая понять, что все нормально, я дождалась, пока служанка выйдет, и добавила: – Полагаю, голодным он не остается в любом случае.

– Уже ревнуешь? – накладывая себе рагу из кролика, хмыкнул Тиль.

Я присела напротив и кивком поблагодарила за наполненный шатэ бокал.

– Недоумеваю. Это странно, Тиль. Я, как и ты, была уверена, что отец захочет получить Радаско, а тут... Я не понимаю, какие причины могли заставить папу и его величество выбрать меня невестой Аратэра. А не понимать чего-либо я очень не люблю. Это может быть чревато крупными проблемами. Да, и еще – откуда такая спешка? День рождения только через четыре месяца, но договор я должна подписать уже совсем скоро. – Я сделала пару глотков, чтобы смочить горло, и вновь подняла глаза, встречаясь с другом взглядом. – В чем же дело? Что такое могло произойти, чтобы спровоцировать такую спешку?

Тиль отложил вилку и нервно побарабанил пальцами по столу. Взял бокал, покрутил в руке, но отставил в сторону, даже не пригубив.

– Поговаривают, – словно решившись, медленно начал он, – что кому-то не очень нравится, что на троне именно лайд Инзор. Не официальной оппозиции, а кому-то другому. Возможно, извне, но, возможно... Сама понимаешь, это всего лишь слухи, но...

Я кивнула. Любой слух несет хоть малую, но толику правды. А такие, как этот, должны быть проверены с особой тщательностью.

– Даже если и так, то все равно не понимаю. Если есть опасность для королевской семьи, логичнее вывести из-под удара принца, а не Ирвина. Как ни крути, а он всего лишь племянник короля и второй наследник. Подожди... – Я даже зажмурилась на мгновение от пришедшей в голову совершенно безумной идеи. – Ты же не думаешь, что...

Тиль понял меня с полуслова. Оглянулся по сторонам, покосился на дверь. И повел рукой, ставя воздушный щит, защищающий от подслушивания.

– Я, – он выделил слово интонацией, – так не думаю. Но сама посуди. Заговорщикам нет смысла начинать со второго наследника, пока есть первый. Тем более что после одного покушения бдительность бы повысилась во сто крат. Нужно либо убирать всех сразу, как пытались сделать около тридцати лет назад, либо... Значит, вскоре будет объявлено и о помолвке принца Истара.

– Чтобы обеспечить страну бóльшим количеством наследников по обоим фронтам, – подхватила я. – И после свадьбы нас отправят в родовое поместье моего будущего супруга, которое находится на краю Дарстара, и добираться туда несколько дней.

– В таком случае можно будет сделать вывод, что Ирвина хотят не обезопасить...

– А убрать с политической сцены, – озвучила наконец я. И мы оба замерли, глядя друг на друга.

В комнате повисла такая тишина, что я слышала биение своего сердца. Наша версия выглядела хоть и сумасшедшей, но не лишенной логики и правдоподобности. И от этого становилось жутко.

– И что теперь делать? – Вопрос был риторическим, но Тиль так не считал.

– А у тебя есть выбор? Ты можешь не выходить за него замуж?

– Шутишь? Не могу, конечно. Это решенный вопрос, если мне об этом объявили. Да и как я аргументирую подобное нежелание? Если уж Ирвина действительно хотят убрать подальше от столицы, значит, и отец и король в курсе ситуации и имеют какие-то свои планы на этот счет. И свадьба в них определенно играет важную роль, судя по спешке.

– Но подставлять под удар тебя?

Немного успокоившись, я уже не чувствовала такого страха, как в первый момент.

– Как ни прискорбно осознавать, что это удар по моему самолюбию, но в данной игре я пешка, Тиль. В дела отца я не посвящена, политикой интересуюсь постольку-поскольку, так что никакой информации Ирвин от меня не получит. Да и шантажировать отца, играя на его безграничной любви ко мне, тоже бессмысленно. Думаю, для тебя не секрет, что у него репутация человека, который готов поступиться чем угодно ради страны и короля. С другой стороны...

– Свой человек в доме предателя лишним не будет.

– Верно. Но одного этого мало. Значит, должно быть что-то еще. Я должна поговорить с отцом. Раз уж он решил впутать меня в это дело, имею право хотя бы на какую-то информацию.

– Не спеши, – посоветовал Тиль, расправившись с обедом и переключая все внимание на меня. – Артеш сказал, что сегодня ваш дом посетит его величество с обоими наследниками, да?

– Артешу следует держать язык за зубами, – не слишком обрадовалась я новости, что слуги разносят сплетни не только в своем кругу.

– Ты ведь знаешь, что кому-нибудь другому он бы этого не сказал. Не напрягайся. Так вот, почему бы тебе для начала не понаблюдать за ними? Посмотреть, каковы взаимоотношения короля и Ирвина. При дворе всегда отмечали, что к племяннику он относится едва ли не с большим теплом, чем к собственному сыну. Конечно, его величество прекрасно умеет держать лицо, но все же. Вдруг что-то заметишь.

– Мне бы самой лицо удержать, – посоветовала я, не отрицая полезности его совета. – Сомневаюсь, что смогу мило улыбаться тому, кого подозревают в государственной измене.

– Гера, мне кажется, ты спешишь. Это всего лишь наша догадка, не более того. И очень зыбкая, основанная на слухах, нежели фактах. А в политике, как ты уже отметила, мы оба не слишком сильны. Кто знает, как дела обстоят на самом деле?

– Ты видишь другие варианты?

– Я – нет. А вот король и куча его советников, даже не считая твоего отца, определенно знают и понимают больше. Не думаешь же ты, что они глупее двух... – И Тилистер махнул рукой, так и не придумав определения нам обоим.

– Хорошо, я тебя поняла. Не делаю поспешных выводов и присматриваюсь к климату в королевском семействе. Что там с досье?

– О, с досье любопытная ситуация. Его нет.

– Как это – нет? – не поняла я. – На всех сотрудников должно быть досье!

– Ну не совсем нет, конечно. Просто оно изъято два с половиной месяца назад и до сих пор не возвращено.

– А можно как-то проверить, кто его забрал?

– Разумеется. Вся информация отражена в журнале. И тут самое интересное. Досье Ирвина Аратэра изъято самим Ирвином Аратэром. А вместе с ним подшивки на еще тринадцать сотрудников департамента. Причем выборка словно случайна – некоторые трудятся даже не в его подразделении.

– Ты их знаешь?

– Кого-то лучше, кого-то хуже, но знаю. Кроме одного. Его я знаю очень хорошо. Как, впрочем, и ты.

– И кто он? – не позволив Тиллю нагонять атмосферу дольше необходимого, поторопила я.

Он парой глотков прикончил содержимое оставленного прежде без внимания бокала и, ненатурально улыбнувшись, уронил:

– Я.

– Вот же хааш, – высказалась я, прежде чем осознала – приличной девушке такие слова и знать-то не положено, не то что использовать. Но Тилистер промолчал, видимо, полностью согласный с таким определением. – Так, ладно, не паникуем раньше времени, сам сказал. Вспоминай, какие у тебя точки пересечения с младшим Аратэром?

– Какие-какие... самые мимолетные. Академия да служба. Учились мы хоть и на одном факультете, но он на два года старше, так что пересекались разве что мельком. Да и в департаменте я дальше архива особо никуда и не хожу, а уж к делам его подразделения и вовсе отношения не имею. Я человек законопослушный.

– Значит, ты не догадываешься, почему он тобой заинтересовался?

– Ни малейшего предположения. Курсом государства я доволен, своим положением в обществе и благосостоянием – тоже. Разве что наши с тобой взаимоотношения его заинтересовали? Может, заранее прорабатывает чересчур близких знакомых невестушки?

– Ерунду не городи. Для того чтобы разобраться в наших с тобой, как ты выразился, взаимоотношениях, достаточно поспрашивать в академии. Ты же почти год Налу добивался, да и потом как привязанный за ней ходил. Но вообще что-то в этой идее есть. В том смысле, что эти люди могут быть как-то связаны с нашей семьей или отцом. Сможешь прислать мне имена? Может, что придумаю.

– Хорошо, я постараюсь. Тем более что уже пора бежать – обед давно закончен. Я, конечно, могу сказать, что супруга вызвала – Гнома сегодня нет, а Несса сама недавно стала матерью, все понимает, но не хотелось бы врать лишний раз.

– Кстати, насчет супруги! Пойдем в мастерскую, отдам подарок для Налы. Всю ночь над ним просидела, но...

– Ей ведь рожать только через пару недель, – послушно поднимаясь, произнес Тиль, – куда спешила-то?

– Лучше заранее отдам, чем позже. Ребенок – существо непредсказуемое. Вдруг решит пораньше родителей осчастливить своим появлением? – уже шагая по коридору, высказалась далекая как от деторождения, так и от детей вообще я.

Тилистер только хмыкнул, но промолчал. Судя по всему, он такому развитию событий

был бы только рад.

К вечеру мое спокойствие постепенно сошло на нет. И к тому моменту, когда до ужина, а значит, и до прибытия королевской семьи оставалось всего полчаса, в зеркале отражалась не аристократка в более чем двадцатом поколении, а нервная и нездорово бледная девица. Пытаясь это исправить, камеристке даже пришлось прибегнуть к пудре, хотя на семейных ужинах я прекрасно обходилась без нее.

– Да не переживайте вы так, лайди, – поправляя подол платья, слегка покачала головой Азира, успевшая пару лет назад выскочить замуж за нашего главного садовника. – Принц как вас увидит, так и влюбится без оглядки. Вон вы у нас какая – и красивая, что цветок шинтайский, и умная, и руки золотые!

– Спасибо, Азира, только не принц, а его кузен. Мой жених лайд Ирвин, не лайд Истар.

– Тем более! Говорят, лицом его боги одарили, да маг он сильный. Сильнее, чем принц-то... – добавила почти шепотом с оглядкой на плотно закрытую дверь.

В этом она была права – в магическом плане мой будущий жених превзошел кузена. Если принц, хоть и окончивший академию, так и остался на первой ступени, то Ирвин получил степень магистра спустя три года после выпуска. А мог бы и раньше, если меньше времени уделял бы работе. Мне же, только выпустившейся, нужно было подождать как минимум год, прежде чем подать запрос о переходе на следующую ступень. И то, если успею подготовить задел для магистерской работы. Впрочем, он у меня уже был. Даже по двум темам, оставалось только выбрать ту, которая будет более интересна, и приступить к ней вплотную. Глядишь, к концу срока, оговоренного брачным договором, можно о ленте магистрата^[16] подумать.

– Вот и повеселели! – отметила мое мечтательное выражение лица камеристка, ошибочно приписав его мыслям о женихе.

Разочаровывать Азире я не стала, поблагодарила, да и отправила, сама поспешив в который раз за день в мастерскую. С раздумьями о работе вспомнилась пришедшая днем в голову идея, как точно удержать себя от ненужных нервов за ужином.

Отброшенный артефакт спокойствия лежал на том же месте. Оставалось только повесить его на первый попавшийся шнурок подлиннее – чаровать его совершенно не было времени. Ромбовидная подвеска расположилась чуть ниже линии декольте и совершенно не гармонировала с сапфировым ожерельем, но это было и не нужно. Присев на стул, я прикрыла глаза и начала подстраивать металл под свою ауру. Совсем чуть-чуть, чтобы упростить дальнейшие действия. Пары минут на это вполне хватило. А затем переместилась к зеркалу, заканчивая начатое. Золото замерцало и начало истончаться, исчезать на глазах, прячась под слоем двойной иллюзии – моей индивидуальной разработки, описанной в дипломной работе. Дальше ее собирались изучать лучшие теоретики страны, а мне велели временно забыть о ней. Вот только запретить мне воспользоваться собственным изобретением не мог никто. Чем я и воспользовалась.

Ментальный посыл, активирующий артефакт, и на меня моментально опустилась пелена спокойствия. Пожалуй, даже слишком сильного, так как изделие изначально предназначалось для весьма истеричной особы, по словам ее супруга, и сил в него я вложила немерено. Правда, забрать его заказчик так и не удосужился, даже залог вернуть не попросил. Обожаемая половина, видимо, допекла его окончательно, так что необходимость в подарке отпала. И лежать бы ему в закромах дальше, коли не потребность «держать лицо»

перед будущими родственниками.

Зато теперь можно было быть уверенной, что любые слова или действия будут встречены мной с соответствующей положению долей хладнокровия. Ну, может быть, слегка чрезмерной, поскольку чувствовала я себя самую малость заторможенной. Этаким снежной вейсой^[17]. Но на умственных способностях это никак не сказывалось, а остальным можно было поступиться.

Его величество и наследники полностью соответствовали известной пословице про вежливость королей и были пунктуальны вплоть до минуты. Когда трое мужчин прошли сквозь арку портала, я только-только успела расположиться в кресле в гостиной, граничащей с кабинетом. Чем заработала папин укоризненный взгляд, но смогла оправдаться долгим выбором платья. Сестренки тоже уже были здесь, прижавшиеся друг к другу и как никогда похожие. Мне в который раз стало любопытно, неужели отец изменил своему негласному правилу и позволил одной женщине подарить ему двух дочерей? Задать подобный вопрос вслух, понятное дело, не решилась.

– Светлого вечера, Навастир, – первым, как и полагается, поздоровался король, – лайди.

Мы с сестрами разом встали со своих мест и присели в реверансах, замерев на несколько томительных секунд. Принц и его кузен тоже прошли в комнату, и портал беззвучно схлопнулся за их спинами.

– Светлого вечера, Инзор, – откликнулся, подходя ближе, отец. – Истар, Ирвин, рад вас видеть в своем доме.

– Мы тоже рады приглашению, лайд Таури. Если бы я знал, что все ваши дочери так красивы, появлялся бы тут гораздо чаще. Лицезреть их куда приятнее, чем советников отца, уж простите. – Улыбка его высочества буквально освещала комнату. Да и вообще весь он был такой сияющий, словно... ну не знаю, словно ему предложили короноваться прямо сейчас.

Сестренки заалели щечками и опустили глаза долу, тогда как я лишь улыбнулась краешками губ, скорее отдавая дань ситуации, чем действительно желая это делать. Да и на принца посмотрела мимолетно, краем глаза наблюдая за более интересным для меня с сегодняшнего дня мужчиной.

Лет пять назад я бы совершенно определенно сказала, что Истар выглядит привлекательнее брата. Светло-льняные волосы принца достигали плеч и едва-едва завивались. Серые глаза под темными бровями были окружены пушистыми ресницами – мечта любой девушки. Да и сам он, облаченный в короткие, по последней моде, бриджи и жилет сапфирового цвета (точь-в-точь с оттенком моего платья) поверх белоснежной рубашки, был гибок и изящен, несмотря на не юношеский уже возраст.

Ирвин же, напротив, выглядел даже слегка старше своих лет. Ниже кузена почти на полголовы, он зато был куда шире в плечах. И более традиционен в одежде – ворот рубашки, лишенный жабо или хотя бы кружева, выглядывал из-под серого камзола, а брюки на тон темнее оттенялись белыми сапогами. Зато волосы не соотносились с карими глазами лайда, были светлые, почти пепельные, и острижены куда как короче, чем принято при дворе.

Насмотревшись за время обучения на моральных уроков с лицами прекрасных богов, я, пожалуй, приобрела иммунитет, позволявший смотреть глубже красивой оболочки. И сейчас я, избавленная от большей части эмоций, как-то очень четко осознала один факт. Даже если наши с Тилем догадки насчет Ирвина Аратэра действительно верны, я рада, что замуж мне выходить именно за него, а не за принца. Потому что такие, как Истар, хороши в качестве любовников, но никак не супругов. Они легки в общении, с ними весело и занятно, они

умеют дарить подарки и делать красивые жесты. Но от такого мужчины не стоит ожидать помощи и поддержки в трудной ситуации. В лучшем случае он красиво уйдет, в худшем – обвинит во всем тебя же. Нет, это не та спина, за которой можно спрятаться от всего мира и чувствовать себя в безопасности. Совсем не та.

– Лайди Таури, может быть, вы изволите, наконец, взять букет? – Голос жениха выдернул меня из размышлений и сравнений.

Оказывается, пока я успела уйти в себя, Ирвин преодолел расстояние между нами и теперь протягивал аккуратный букет фиолетовых фрезий. Невзрачные цветы с потрясающим ароматом были моими любимыми. И, пожалуй, я бы добавила соизволившему узнать этот факт мужчине пару баллов, если бы не его тон. Совершенно безэмоциональный, может, даже слегка усталый. Словно он не невесту одаривал, а кошку просил слезть с кресла.

Я в первый, но, чувствую, не в последний раз за сегодняшний вечер поблагодарила себя за предусмотрительность с артефактом и послушно протянула руку, забирая цветы и благодарно склонив голову.

– Простите, лайд Аратэр. Девушки так легко отвлекаются. А в обществе столь привлекательных мужчин это и вовсе немудрено. Надеюсь, вы будете ко мне снисходительны.

Король довольно усмехнулся, принц хохотнул куда громче, а вот жених шагнул назад, не проронив ни слова и даже не изменившись в лице. Ладно, я под воздействием магии такая, а он что – по жизни отмороженный? В этом случае мои планы найти с ним общий язык стремятся к нулю. Ну что ж, ждать, что все будет просто, было бы слишком наивно.

Повара расстарались вовсю. Видимо, присутствие на ужине короля взбудоражило их больше, чем можно было предположить. Но раз уж так получилось, что это был мой первый нормальный прием пищи за весь день, не считая тая^[18] с пирожными, перехваченными еще утром, в обиде я не была. К тому же, отдавая дань кулинарным изыскам, имела полное право не вести беседу с женихом. Хотя и в противном случае никто бы меня не укорил – разговоры за столом скорее поощрялись, дабы не создавать атмосферы скуки и уныния.

Папа, абсолютно не таясь, усадил нас с Ирвином рядом, да еще и подальше от себя и его величества – даже дальше, чем сестер. Впрочем, они бы в любом случае не остались без внимания, потому как их развлекать взялся сам принц. Если бы не артефакт, едва ли мне удалось бы сдержать удивление от того, как слегка хлыщеватый и самовлюбленный Истар с мальчишеской улыбкой показывает фокусы двум девчонкам, используя при этом воду из графина. Адели даже тихо попискивала от восторга, а Мадлен молчала лишь потому, что не имела возможности присоединиться к сестре. Отец и король о чем-то неслышно беседовали, судя по их лицам, разговор был приятным. И лишь на нашем краю стола царил тишина.

Первое время я еще ожидала, что Ирвин соизволит предложить тему – хоть ради того, чтобы соблюсти приличия. Но, очевидно, на них лайду Аратэру было наплевать. Он уделял все внимание содержимому своей тарелки и вид при этом имел на редкость скучающий. Я же его, судя по всему, и вовсе не волновала. Хотя отмечала я это совершенно без обиды или возмущения – скорее как факт, что жених ни разу не повернул в мою сторону головы. Наверное, по его стандартам красоты я и впрямь не представляла ничего интересного.

Впрочем, короля подобная ситуация не устраивала. Несколько раз он бросал на племянника взгляды, которые я интерпретировала как предупреждающие, а затем, не добившись ровным счетом никакой реакции, перешел на вербальное общение.

– Ирвин, помнится, ты выражал желание поближе познакомиться с архитектурой дома лайда Навастира, – на полном серьезе, словно не осознавая, сколь странным выглядит такое предположение, произнес его величество.

Возможно, мне показалось, но Ирвин едва не поперхнулся содержимым собственного бокала. Наверняка для него тоже стало откровением, что он является ценителем архитектурных стилей. Особенно если учесть, что дом наш относительно новый и ничего сверхъестественного в нем не было.

– Думаю, лайди Илгерта не откажется провести для тебя экскурсию, – продолжил меж тем король, будто кто-то еще, кроме девочек, мог не догадаться о подтексте его слов.

Я, уже некоторое время развлекавшая себя тем, что перемещала по тарелке стручки фасоли, буквально кожей почувствовала взгляд отца. И не нужно было сильно напрягаться, чтобы понять, чего он хочет.

– С удовольствием, ваше величество. Надеюсь, лайд Ирвин останется доволен. – Улыбка вышла не слишком искренняя, зато соотносимая с ситуацией. – Ваша светлость?

Его светлость изволил встать со стула и помочь подняться мне, не проронив при этом ни слова. Правда, и мимикой он отношения к происходящему тоже не выражал, что уже радовало. Со всем своим спокойствием я бы это снесла, а вот король – вряд ли. Он снова поглядел на племянника не самым ласковым взглядом. Что ж, еще один штрих в общую картину моих доммыслов – в семье Аратэров все не так гладко, как раньше.

Проводили нас такими взглядами, словно мы шли уже под венец, а не на ненужную никому прогулку по коридорам и залам просторного особняка. Но возражать никто и не подумал. Ирвин даже предложил мне руку, которую я благосклонно приняла, думая при этом, что зря отказалась от высоких шпилек. Сейчас мысль о том, чтобы окончательно сравняться с ним в росте, выглядела на диво заманчивой. Может, хотя бы тогда он обратил внимание на факт моего существования?

– И с чего вы желаете начать экскурсию? – поинтересовалась я, стоило дверям закрыться за нашими спинами. – Парк, библиотека, картинная галерея?

Признаться, на его месте меня бы мало-мальски заинтересовала лишь последняя. Потому что не стоило особого труда догадаться – несмотря на все старания наших садовников, перещегоолять королевский парк было сложно. Да и домашняя библиотека наверняка была меньше, пусть и специфичнее дворцовой – большую ее часть составляли книги, так или иначе связанные с магией. В галерее же, под которую было отведено целое крыло второго этажа, определенно было на что взглянуть. Наша семья, как я уже говорила, насчитывала более двадцати поколений аристократов и отличалась плодовитостью, так что осмотр галереи мог занять продолжительное время. Как раз достаточное, чтобы ужин закончился, а его величеству с родственниками пришла пора отбывать домой.

– Как насчет вашей спальни? – ничего не выбирая из перечисленного, предложил вдруг Ирвин. И впервые за вечер на его лице появилось подобие такой мерзко-самодовольной улыбки, что скорее бы подошла его кузену.

Что ж, это был второй раз, когда я ошиблась в будущем женихе и его моральных качествах. И это было прискорбно, хотя полностью осознать свое отношение к этому открытию смогу позже, сняв артефакт. Пока же...

Не знаю уж, какой реакции ждал Ирвин, но, судя по выражению плохо скрываемого удивления, явно не того, что я продолжу неспешную прогулку, даже не попытавшись вырвать у него руки или выразить возмущения.

– Через полчаса вас устроит?

– Почему через полчаса? – окончательно опешил он, останавливаясь и вынуждая меня сделать то же самое.

– Полагаю, этого времени будет достаточно, чтобы подняться в кабинет отца и подписать договор. В таком случае у меня уже не будет оснований отказать вам в желании посетить мою спальню.

Действительно, договор был составлен таким образом, что фактически мы считались бы супругами с момента, как только каждый из нас поставит свою подпись. Брачная же церемония в таком случае была лишь красивым жестом. Для того, чтобы запись внесли в храмовую книгу, не требовалось даже нашего присутствия.

– Оснований? – Когда я начала думать, что Ирвин онемел от такого предложения, он наконец уточнил: – Или желания?

– Оснований, – пришлось подтвердить, предлагая ему самому догадаться – желания я не буду иметь в любом случае.

Еще несколько секунд молчания, словно он на самом деле раздумывал, принимать ли мое предложение, а затем едва заметно мотнул головой.

– Хорошо, пусть будет галерея. Надо же познакомиться с предками будущей супруги. Хоть посмотрю, у всех ли такие лица отороженные. – Последнее он добавил почти неслышно, так что это заявление я предпочла проигнорировать. Надо же, лицо мое ему не

понравилось. Сами-то давно в зеркало смотрелись, ваша светлость?

Температура в помещении была благоприятна для картин, но не для меня в тонком платье без рукавов. Едва войдя, я направилась в левый угол, по пути активируя светильники и приближаясь к некоему подобию сейфа, открыть который мог только носитель крови Таури. Хотя ничего секретного или слишком дорогого в нем не было – только широкие фигурные браслеты. Совсем как те, что раньше использовались при заключении брака.

Именно это не преминул отметить и Ирвин, когда я протянула ему один браслет, второй защелкнув на своем запястье.

– Разве кто-то еще использует эту архаику? – взяв предложенное из моих рук, но не спеша «оковываться», приподнял он брови. – Кажется, уже несколько поколений назад решено, что кольца удобнее.

– В особенности тем, что их куда проще снять и не афишировать семейное положение в забеге по столичным борделям, не так ли? – Браслеты запаивались магически, и снять их можно было только после развода или смерти супруга. – Не отвечайте, это был риторический вопрос. Надевайте, не бойтесь. Я точно так же, как и вы, не жажду связывать себя узами брака раньше, чем того требуют обстоятельства. Браслет лишь создает комфортную температуру и влажность для тела. Здесь, как вы, должно быть, заметили, прохладно.

Видимо, такое объяснение показалось ему разумным, так что в следующую секунду металл защелкнулся на запястье лайда, а затем исчез под рукавом камзола. Сам же Ирвин продолжал смотреть на меня, не спеша переходить к более приятным для глаза картинам.

– Лайди Илгерта, если вам так неприятен наш брак, отчего вы на него согласились?

– Лайд Ирвин, – в тон ему, то есть весьма язвительно, отозвалась я, – а с чего вы взяли, что он мне неприятен? Безразличен. По большому счету это слово лучше описывает ситуацию. И уж не вам объяснять, что это было не то предложение, от которого можно отказаться.

– Разве лайд Навастир настолько не любит своих дочерей, что выдает их замуж насильно?! – А возмущение-то в голосе какое не наигранное. Я почти поверила, ей-боги.

Интересно, а лицемерие входит в список обязательных предметов при дворе или специально для Ирвина факультатив устроили?

– Лайд Навастир любит дочерей, и они платят ему тем же. И на многое готовы ради него. Так что этот брак... Не так уж сложно потерпеть какие-то пять лет, вы не находите?

– Так что же, спустя пять лет вы потребуете развода? – Формулировка про терпение ему явно не понравилась, но ее мне спустили.

– И ни днем позже, – призналась я. – У меня есть планы на жизнь, и долгий счастливый брак в них не входит.

– А что входит, позвольте поинтересоваться?

Я задумалась на несколько секунд. Конечно, ничего криминального в моих желаниях не было, но стоило ли их озвучивать именно этому человеку? Не найдя аргументов против, решила рискнуть.

– Собственная мастерская и изготовление артефактов на заказ. Плюс магазин готовых изделий из тех, что наиболее популярны – здоровье, удача, привлекательность для противоположного пола.

– И чем же вам в таком случае помешает муж?

– Отец никогда не контролировал мою жизнь больше, чем того требовала забота.

А привычка, знаете ли, вторая натура. Едва ли найдется мужчина, способный действовать аналогично и не требовать от меня заниматься домом. Предпочитаю просиживать дни, а иногда и ночи за работой. – И, чувствуя себя неуютно от некстати прорвавшейся чрезмерной искренности, поспешила сменить тему: – А теперь давайте перейдем к цели нашего визита.

Спорить лайд Ирвин и не подумал.

Портреты висели по восхождению поколения от младшей к старшей. То есть первой с картины улыбалась Адели, за ней Мадлен, следом Рейлин, Лизандра, Кларамай... У каждого полотна мы останавливались буквально на полминуты, и лишь дойдя до моего изображения, Ирвин застрял надолго. В чем-то я его даже понимала – я сегодняшняя и на портрете казались совершенно разными девушками. Художник, чьей кисти принадлежали портреты всех сестер, а также отца и тетушки, был просто даром богов, не иначе. Он не заставлял никого часами сидеть в каком-нибудь неуютном, но крайне красивом, претенциозном кресле, держа вымученную улыбку. Мартин Борель предпочитал работать там, где было удобно позирующему. Отец, например, был запечатлен в кабинете с бумагами в руках и спокойным взглядом куда-то вверх – словно его успели поймать в момент задумчивости. А высокая и статная Дениза – следующая после меня по старшинству – с мечом в руках и одетая в брючный костюм, который предпочитала самым роскошным платьям. Ее брачному договору, к слову, было три года, но с мужем они жили душа в душу и разводиться не планировали.

Меня же... Я как сейчас помнила тот день, когда Мартин усадил меня за стол в мастерской и велел заниматься своими делами, не обращая на него внимания. Как будто это было легко сделать, когда на тебя пристально смотрит потрясающе привлекательный мужчина на какой-то десяток лет старше. Я смущалась, краснела и никак не могла расслабиться. Промучившись около часа, художник вдруг спросил, нельзя ли придумать какой-нибудь амулет или артефакт, чтобы его кисти всегда можно было найти. Дескать, он вечно теряет их, а потом ищет. Я загорелась идеей, придумала пару вариантов ее воплощения и погрузилась в работу, совершенно забыв о том, что в комнате находится еще кто-то. А Мартин тоже принялся за работу – цели своей он добился.

– Надо же, а вы умеете улыбаться, – прервал воспоминания голос жениха, все еще не сводящего глаз с портрета. – Никогда бы не подумал.

– Надо же, а вы умеете говорить комплименты. Или это был не он? – Обычно язвить не входило в мои привычки, но право слово! Ирвин находился в нашем доме уже около двух часов, но и слова приятного не сказал. Терпение терпением, но его поведение начинало угнетать. Надеюсь, после свадьбы он будет уделять больше времени работе. В противном случае с подвеской на шее придется сродниться окончательно, чтобы не разбить о голову обожаемого супруга какую-нибудь вазу и не вызвать скандала. Так и представляю заголовки в газетах: «Драка в семье племянника короля и дочери придворного мага: пылкость влюбленных или политические интриги?» Столь популярное среди населения столицы, сколь и скандальное издание «Окна столицы» очень уж любило создавать шум буквально на пустом месте. Что говорить о том, чего и раздувать не требовалось, – добавь только пару догадок.

– У вас потрясающая улыбка, – верно трактовал вопрос Ирвин и отвернулся от меня нарисованной ко мне во плоти. – Надеюсь когда-нибудь увидеть ее наяву.

В голове крутилось «надейтесь» и «я подарю вам ее на свадьбу», но решила не

вредничать, коль уж сам Ирвин решил сделать маленький шаг навстречу. И проговорила, глядя ему в глаза:

– Время покажет.

– Время покажет... – эхом отозвался жених и перешел к следующему портрету.

К тому моменту, когда мы вернулись в столовую, там уже никого не было, что неудивительно – под конец устала даже я, знавшая всех родственников наперечет по именам, что уж говорить об Ирвине. Наверняка он запутался уже при перечислении прадедов и прабабок. Убиравшая со стола Милара на вопрос, где все, ответила, что девочки разошлись по спальням, а отец велел передать – он с его величеством и его высочеством ждут нас в кабинете.

– Ну вот, зря вы не согласились подписать договор, когда я предлагала. Теперь будем делать это под чутким контролем, – вновь ведя жениха по коридору, констатировала я.

– И упустил бы шанс увидеть несколько сотен портретов вашей семьи? Ну что вы, как я мог. Кстати, сколько их точно?

– Что-то около пятисот, кажется. Математика никогда меня не привлекала, – пожалала я плечами, подходя к кабинету и берясь за ручку. – Ну что, готовы ввязаться в пятилетнюю кабалу?

– С вами, лайди, хоть на эшафот!

– Сплюньте! – нервно посоветовала я. В свете размышлений о заговоре его предложение выглядело отнюдь не шуточным. – При таком раскладе лучше уж в спальню, право слово...

Лайд Аратэр за моей спиной ощутило скрипнул зубами, но я уже распахивала дверь.

– А вот и новобрачные! – с несвойственным ему энтузиазмом поприветствовал нас отец, из чего я сделала вывод, что поданным в начале ужина шатэ мужчины не ограничились.

– Навастир, не торопи события, – откликнулся столь же благодушно настроенный и, надо сказать, изрядно покрасневший король, удобно расположившийся на диване, – и детей не смущай.

«Дети» переглянулись, и во взгляде Ирвина я почти наяву увидела отражение собственного желания закатить глаза.

– Так не тороплю, – доставая из верхнего ящика стола две стопки бумаг, явно приготовленные загодя, согласился папа. – Сейчас вот подпишут и будут новобрачными, какая уж тут спешка? Держите, дети. – И он подвинул бумаги к противоположному краю стола. Туда, где с самого утра стояли два кресла.

Я готовилась к этому моменту с сознательного возраста. И никогда не была подвержена романтическим мечтаниям о принце. Хотя что о нем мечтать? Вот он сидит на диване рядом с венценосным родственником и выглядит скорее заинтересованным своими ногтями, чем происходящим. Я никогда даже не задумывалась о том, чтобы пойти против воли отца. Так, боги, почему же сейчас все казалось таким неправильным и неправдоподобным и так хотелось сбежать?! Подальше от бумаги, в которой расписана моя жизнь на ближайшие пять лет, от жениха, которому до меня дела нет, и от непонятных планов отца и короля...

Очередная благодарность артефакту (иначе не знаю, хватило ли бы мне выдержки), украдкой сделанный глубокий вздох – и я шагнула к одному из кресел, краем глаза заметив, как Ирвин опускается во второе. Нового в тексте было мало. Большую часть я выучила чуть ли не назубок еще с тех пор, как замуж выходила Беренис. Мне тогда было девятнадцать, и я требовала с папы образец договора, чтобы изучить его условия – хотелось заранее знать,

чего ждать.

Основные положения, имущественные обязательства и прочее я пробежала мельком, отметив сумму содержания, превышающую ту, что перечислял на мой счет отец, почти в десять раз. А ведь он никогда не скупился! Даже при условии крайнего транжирства, чего за собой я не замечала, деньги на открытие мастерской у меня определенно будут. Впрочем, корыстной я тоже не была. А вот личные права и обязанности интересовали куда больше, и я читала их значительно внимательнее в поисках внесенных изменений. Наверняка второй наследник трона воспользовался своим положением и вытребовал себе несколько послаблений.

Отличие в этом параграфе от предусмотренного стандартным договором, который подписывали мои сестры, было всего одно. Я с совершенно искренним удивлением, прорвавшись даже сквозь пелену спокойствия, в третий раз перечитывала пункт, согласно которому в случае измены брак мог быть расторгнут по желанию одной из сторон. Независимо от того, сколько времени прошло с момента его заключения. Немыслимо! Я подняла глаза на Ирвина, пытаюсь понять, что могло сподвигнуть его на такое условие. Потому как в изначальном варианте речь шла только о супруге. Именно она должна была хранить верность, в противном случае при разводе все денежное содержание за время брака возвращалось мужу. Обычно супруг такими требованиями скован не был.

И вот человек, который явно не заинтересован ни во мне, ни в браке, почти в лицо высказавший, что считает меня отмороженной, добровольно обрекает себя на почти пять лет воздержания? Ведь после зачатия ребенка я имею полное право отказать ему в посещении своих покоев до родов, а также в течение полугода после них.

– Гера, что-то не так? – заметил мой ошарашенный взгляд папа.

– Нет, все... все так, – откашлявшись, подтвердила я. Ирвин так и не оторвался от чтения, словно ничего вокруг не видел и не слышал.

– Тогда подписывай. – И ко мне подвинули инкрустированный перламутром писарь.

Руки, к счастью, не дрожали, когда я ставила на последней странице договора подпись – Илгерта Навастии Таури. С этого момента лайдис Илгерта Аратэр...

Утром меня разбудило начавшее подпрыгивать на тумбочке эхо, с не слишком приятным стуком бившееся о дерево. Поначалу еще была надежда, что неизвестный стучащий вспомнит о совести и отстанет хотя бы еще на час, но спустя минуту она умерла, оставив вместо себя желание мстить. Пришлось на ощупь ловить подвеску и отвечать на стук.

– Слушаю?! – получилось хрипло и возмущенно.

– Гера, это правда? Скажи мне, что это правда! – Голос сестры, напротив, буквально звенел от энтузиазма, и бодрствовала она явно не пару минут, а как минимум пару часов.

– И тебе светлого утра, Лиза. Да, это правда, – подтвердила я, садясь на кровати и отбрасывая назад растрепавшиеся за ночь волосы. – А о чем речь?

– Гера! – взвыла Лизандра, заставляя поморщиться. Да, сестренка даже обычный свой голос контролировать не всегда может, что уж о мыслеречи говорить. – Все утренние издания пестрят сообщением, что ты выходишь замуж за Ирвина Аратэра! Почему ты не сказала?!

– Боги, Лиза, да я сама только вчера утром об этом узнала. А вечером договор подписали. Когда я, по-твоему, должна была вам сообщить?! – не менее эмоционально откликнулась я. – И вообще – да, я выхожу замуж. И что с того? Ты ведь прекрасно знаешь всю подоплеку этого брака.

– Но это же Аратэ-э-эр...

– И что-о-о? – передразнила я сестру. – Вот веришь – мне от этого ни холодно ни жарко. Тем более он сам оказался форменным индюком. Игнорировал меня почти весь вечер, слова доброго от него не услышала, да к тому же считает меня странной.

– Я тоже тебя иногда считаю странной, – хмыкнули на том конце эхо, – тебе в мужья достался такой красавчик, а ты нос воротишь. Я бы теряться точно не стала. Не принц, конечно, но тоже весьма, весьма достойный экземпляр.

– Намекну папе, что ты жаждешь замуж за принца, – погрозила я.

– Намекни, – мурлыкнула Лиза. – Неужели он не потерпит каких-то шесть лет ради меня?

Я закатила глаза, пользуясь тем, что сестра этого не видит. Пожалуй, Лизандра в свои девятнадцать обладала той хваткой, которой не было ни у одной из старших, и у меня в том числе. Зная, что ей ни с кем нельзя заводить серьезных романов, она тем не менее умудрялась крутить парнями так, что зависть брала. И, что немаловажно, ни один не был против такого отношения. Думаю, попроси сестренка звезду с неба, и единственный вопрос, который ей зададут, – какую именно.

– Лучше бы об учебе думала. У тебя выпускной класс и поступление в академию в приоритете, а не мысли о женихах.

– Вот поэтому я думаю не о своих женихах, а о твоём. Так когда свадьба? Я успею сшить платье?

– Свадьба через неделю. Его величество сказал, что за это время успеют все приготовить. Как ты понимаешь, скромным семейным застольем дело не ограничится, полагаю, дворцовые слуги уже все в мыле.

– Кому нужно это скромное застолье? – Я почти наяву увидела, как Лиза махнула рукой. – Свадьба во дворце – это же мечта любой девушки!

– Не любой.

– Любой нормальной девушки, – язвительно исправилась она. – Это тебе, заучке, ничего не нужно. Были бы заказы да расходники для твоих поделок.

– Лиза, у нас разные приоритеты. И пока я уважаю твои, будь добра, уважай и мои. А если ты постучала, чтобы высказать...

– Ладно, прости-прости, я больше не буду, – уловив смену моего настроения, быстро проговорила она. – Тогда увидимся в выходные?

– Увидимся в выходные, – согласилась я. – Я буду в белом и с улыбкой счастливой дурочки на лице. Как думаешь, получится?

– Тебе придется долго тренироваться! – захохотала сестра и отключилась, как всегда, не прощаясь.

Несколько минут после воцарения тишины я еще пыталась устроиться удобнее и продолжить сон, но потом осознала тщетность попыток. В голову сразу полезли мысли, напоминая окончание вчерашнего вечера. Особенно тот момент, когда я, почти затаив дыхание, наблюдала за Ирвином. Он вдумчиво и скрупулезно изучал текст договора, и мне вдруг начало казаться, что вот сейчас, еще секунда – и он разорвет стопку бумаги напополам. И скажет, что не хочет этого брака и меня в качестве жены тоже не хочет. И тогда отец найдет другого – более приветливого и дружелюбного – мужчину, а королевскому племяннику подберут какую-нибудь дурочку, которая станет ему улыбаться и без возражений проводить экскурсии в собственной спальне по первому требованию.

Но мечты оказались мечтами, и Аратэр, дойдя до последней страницы, высвободил из моих рук писарь, который я машинально стискивала пальцами, и поставил размашистую подпись, ставшую окончательным крестом на моей свободной жизни.

Благо у его величества и отца не хватило лицемерия начать нас поздравлять – они оба понимали, праздником это событие ни я, ни Ирвин не считаем.

Король почти сразу переключился на деловой тон и объявил, что торжественная церемония назначена на предпоследний выходной следующей недели. Главный дворцовый распорядитель предупрежден и ждет меня завтра после обеда, чтобы определиться с пожеланиями, любые мои распоряжения будут выполнены, а если я еще не выбрала фасон платья, то каталоги лучших салонов столицы будут доставлены, а мастерицы готовы приступить к пошиву хоть сейчас. Я лишь кивала, не пытаясь вставить и слова. И даже не сообщила, что платье у меня уже давно есть – висит, прикрытое заклинаниями против пыли и изменения цвета, в дальнем углу гардеробной. И хотя модель существенно отличалась от образцов столичной моды, я собиралась надеть именно его.

Но последней новостью, так сказать, «контрольным выпадом», стало известие, что на следующий день после свадьбы мы с супругом отправимся в арл его родителей. Официально – в шелковый альков^[19], неофициально... Очередная оправдавшаяся догадка не несла за собой ничего хорошего.

Когда я уходила из отцовского кабинета, мужчины еще оставались там, перейдя к обсуждению «неженских дел, наверняка мне неинтересных», как снисходительно было объявлено женихом, не соизволившим даже поцеловать руку на прощание. Индюк надутый. Как есть – индюк.

Промучившись еще минут пятнадцать, я поднялась с кровати и отправилась в ванную, искренне пожелав Лизандре, чтобы сегодня каждый из преподавателей посчитал своим долгом спросить ее. Пожалуй, это была бы лучшая месть прервавшей мой сон сестре.

После завтрака, пока Азира занималась прической и макияжем, я раздумывала, как попасть по дворец. Поездку на доминге^[20] отец едва ли одобрил бы, потому что идаско^[21] привлечет слишком много внимания. Да и до уверенности Денизы мне далеко, чтобы комфортно чувствовать себя в таком наряде среди дам в роскошных платьях. Можно было, конечно, постучать самому папе, но отвлекать его от дел не хотелось. Зато была Венейна – старшая из моих сестер, чей второй супруг занимал должность начальника дворцовой стражи, и имевшая, кроме прочего, один огромный плюс – умение создавать порталы. Одна из немногих в нашей семье.

Как только мой вид в зеркале стал соответствовать тому, с которым не стыдно было появиться при дворе, я постучалась к сестре, надеясь, что она не занята.

– Светлого дня, лайдис Аратэр, – поприветствовала меня давно повзрослевшая, но отнюдь не серьезная и чопорная, а напротив – не упускавшая возможности пошутить сестренка. – Как тебе в новом статусе?

– Нейни, и ты туда же? – почти простонала я. Да уж, если «радостную» весть успели осветить в газетах, не стоило и надеяться, что кто-то из моих родных не в курсе. – За что мне такое наказание?

– Ты про мужа?

– Я про семью, которая не может посочувствовать, а только издевается...

– Гера, милая, тебе завидует половина незамужних девушек нашей страны, а ты считаешь, что достойна лишь сочувствия? Это же второй наследник трона, а не овцепас из

богами забытой деревеньки, ну в самом-то деле.

– Да вы что, сговорились все? Вы с ним общались вообще? Он же сухарь форменный, как я с ним жить буду?! – Видимо, заблокированные вчера эмоции сегодня проявились вдвойне. – «Лайди Илгерта, надо же, вы умеете улыбаться!», «Лайди Илгерта, не желаете ли показать мне свою спальню?», «Лайди Илгерта, это мужские разговоры, они будут вам не интересны», – передразнила я Ирвина.

На том конце эхо раздался смех.

– Ну, вот видишь, ты уже неравнодушна к нему. Глядишь, стерпится – слюбится. А если серьезно... Гера, Ирвин хороший парень. Просто не делай выводов по одной-единственной встрече. Ты не думала, что для него точно так же, как и для тебя, этот брак – навязанная воля свыше? Так почему он должен быть рад жене, сколь бы чудесной она ни была? А зная тебя, уж извини, ты его тоже явно не милой улыбкой встречала.

Тут спорить не о чем. Венейна, хоть и была старше на пятнадцать лет, да и виделись мы в последнее время не так часто, характер мой знала хорошо.

– И что мне теперь, вечно ему улыбаться? – постепенно успокаиваясь, но не желая признавать собственных ошибок так скоро, поинтересовалась я. – Тогда он меня за блаженную примет.

– Необязательно. Даже пытаться подружиться необязательно, если не хочешь. Просто не становись сразу его врагом. Поверь, ничего хорошего, кроме мучений, такой брак не принесет.

– И почему ты так хорошо все раскладываешь по полочкам и даешь советы? – вздохнула я уже спокойно.

– Потому что я старше, умнее и уже прошла через то, что тебе только предстоит. Так что собирайся, я скоро за тобой заскочу. Королевский распорядитель тебя уже ждет. – Она как-то странно усмехнулась, словно зная что-то, чего пока не знала я.

– Да я уже...

– О, тогда иду.

В следующую секунду старшенькая шагнула сквозь рамку портала, открывшегося прямо в моих покоях.

– Откуда ты узнала, что я здесь? – обзревая ее прическу, представлявшую собой нечто очень и очень сложное, поинтересовалась я.

Нейни слегка пожала плечами.

– Просто предположила. Ты готова? Тогда пойдём. – И, подхватив под руку, Венейна затащила меня в не успевший погаснуть портал.

Нельзя сказать, что во дворце я чувствовала себя, как дома, но зал, в котором мы оказались, был знаком – самый большой, светлый и просторный. Именно здесь проводились все балы, а также крупные празднования по таким поводам, как коронация, дни рождения членов королевской семьи или... их свадьбы.

– Уже есть идеи, каким бы ты хотела видеть убранство зала?

Пока я оглядывалась по сторонам, сестра что-то шепнула караулившему у дверей лакею, и тот вышел, оставляя нас наедине.

– Ни малейших, – призналась я. – Да и не так уж мне все это интересно. Как украсят, так украсят. Пусть сам решает. Где он, кстати?

– Кто?

– Ну... распорядитель? Ты же сказала, что он меня ждет.

Нейни издала еще один смешок и развела руки в стороны, разве что не покрутившись вокруг своей оси.

– Перед тобой.

– Подожди, ты...

– Новый королевский распорядитель Венейна Дебиоль к вашим услугам, лайдис Аратэр.

– Обалдеть, – честно призналась я. – И когда?..

– О, вот тут самое интересное. – Сестра сощурилась от удовольствия, как большая кошка. – Я ведь давно была помощником старого распорядителя, и он вроде бы всегда оставался доволен моей работой. Но когда вчера нас вызвал король и сказал, что этим проектом буду заниматься я, а Алан – у меня на подхвате, тот встал в позу. Заявил, что никогда баба не будет им командовать.

Я оглядела сестру, в свои сорок выглядевшую разве что чуть старше меня, и скептически переспросила:

– Баба? Так и сказал?

– Так и сказал. А король ответил, что бабы – они в деревне. И если господин бывший королевский распорядитель так хочет ими командовать, его величество не видит основания такому желанию мешать. И отправил Алана собирать вещи.

– Обалдеть! – вновь повторила я. – А ты?

– А что – я? Сидела в шоке. А потом его величество повернулся ко мне и посоветовал приступить к должности прямо сейчас. Дескать, времени у меня будет мало, а я же не хочу, чтобы на свадьбе моей сестры были какие-то накладки. Так что, Гера, считай, что твой брак послужил моему карьерному росту.

Да, вот так история...

– Ну что ж, тогда, госпожа распорядительница, давайте приступать. Мне совсем не хочется, чтобы ваш первый проект оказался провальным только из-за того, что невеста понятия не имеет, чего хочет.

– Это не проблема! – пообещала Нейни, едва не брызжущая энтузиазмом. – Рауль, несите каталоги!

Сбежавший чуть раньше лакей вновь заглянул в зал, убедился, что звали именно его, и только потом вошел в сопровождении еще трех парней с коробками и альбомами в руках.

– Ну, начнем, – указывая, куда сгрузить принесенное, сестра взяла меня под руку. – Обещаю, тебе понравится!

Следующая неделя прошла в таком темпе, что даже безумная обстановка в академии во время сессий рядом не стояла. Как-то так оказалось, что нужна я стала буквально всем и каждому, причем желательно – одновременно. Эхо разрывалось от стука, на столе каждый вечер обнаруживался ворох писем, рассортированный заботливой Азирой, а некоторые дальние знакомые и приятельницы вообще являлись в гости без приглашения или предупреждения. Но таких слуги информировали, что хозяев дома нет, в ближайшее время не будет и принимать их, к величайшему сожалению, некому. Впрочем, ложью это не было – почти все время, за вычетом сна, я проводила во дворце.

А на третий день, немного привыкнув к ажиотажу, я вдруг осознала, что Нейни была права – мне действительно понравилось. Как ни лги другим, что вовсе не нужна мне вся эта суета, себя-то не обманешь. А внутренний голос твердил, что если уж свадьбе быть, так по высшему разряду. И требовалось приниматься за работу.

И я принималась. Конечно, основную часть выполняли совсем другие люди, и я давалась диву, как сестре удастся контролировать и координировать всех сразу, но были вещи, которые действительно зависели только от меня. Например, приглашения астет-арлам и их семьям подписывать полагалось исключительно собственноручно, хотя лишь единицы из них знали мой почерк. А еще нужно было выбирать цвета тканей для портьер, драпировок, скатертей и салфеток, цветы для украшения зала и свадебного кортежа, утверждать состав теней^[22] невесты... А главный повар? Совершенно пассивный с первого взгляда мужчина едва ли ни хвостом за мной ходил с просьбами попробовать то или иное блюдо для главного стола. И если поначалу я была вовсе не против незапланированных перекусов, то вскоре начала сомневаться, влезу ли с такими темпами в приготовленное платье.

– Гера! – Бертран, личный помощник отца, окликнул меня в тот момент, когда я вдумчиво вглядывалась в два по виду совершенно идентичных образца ткани. Нейни, вручившая их мне, так вовсе не считала и велела выбрать один, наиболее подходящий для обивки постамента, на который будут складываться подарки гостей. – Лайд Навастир просил зайти к нему, когда у тебя будет время.

– Светлого дня, Берт. Смотри, тебе какой больше нравится? – Я подняла оба образца на уровень глаз, держа их как носовые платочки.

В течение нескольких секунд он повторял мой опыт с гипнотизированием ткани, а затем поднял взгляд на меня.

– А разве они не одинаковые?

– Нейни уверяет, что совершенно разные, – вздохнула я, откладывая их в сторону. – Ладно, скажу, что доверяю ее вкусу. Проводишь к папе?

Бертран молча предложил мне руку и, лишь дождавшись, пока мы выйдем в коридор, а поблизости не будет никого постороннего, тихо поинтересовался:

– Как продвигается подготовка? С ума еще не сошла?

Берт знал, о чем говорил. Его собственное семейное положение изменилось чуть больше полугода назад, так что все ужасы предсвадебной суеты были еще свежи в памяти. И я говорю ужасы, потому что так оно и было. Лилиан – его супруга – моим безразличием к деталям не обладала, так что все вокруг доводилось буквально до белого каления, пока она добивалась идеального соответствия всех и вся картинке в ее голове. На месте Бертрана я бы сбежала где-то между истерикой о «недостаточно алых» розах и заявлением, что глаза у куклы, традиционно преподносимой женихом матери невесты, должны быть серо-голубыми, как у самой Лили, а не просто голубыми.

– Пока нет, но уже где-то на пути. Вот скажи, неужели кому-то будет важно, какого оттенка платье теней – лазурного или морской волны? Они же выглядят совершенно одинаково! Или сколько цветов в букете невесты. Вот кто их считать будет? И вообще это нечестно, что я тут мучаюсь, а жених где-то прохлаждается. Это и его свадьба тоже.

– Кажется, добрая часть женского населения дворца с тобой бы поспорила. Они бы душу продали за то, чтобы оказаться на твоём месте.

– С большим удовольствием это место уступила бы, – тихо призналась я, оглядываясь по сторонам. – Вместе с женихом и всей этой суматохой на пустом месте.

– Ну, извини, ты теперь королевская родственница. Без суматохи не обойтись. Просто не нервничай и учись видеть плюсы. А теперь иди, отец тебя ждет. – И Берт аккуратно подтолкнул меня к двери, учтиво ее распахнув.

Миновав приемную со столом, за которым обычно сидел сам Бертран, я постучалась в еще одну дверь, чтобы войти после резкого папиного «Да!».

– К тебе можно? – остановившись на пороге, поинтересовалась я. Когда он был в таком настроении, я чувствовала себя неуютно.

– Гера? – Кажется, закопавшийся в очередных бумагах папа совершенно забыл, что сам просил меня зайти. По крайней мере, голос у него звучал удивленно. – Да, проходи.

Этот кабинет был разве что слегка больше домашнего, но куда менее уютным. Точнее, излишне претенциозным. Когда-то я спросила, почему папа не велит все переделать под себя, а он ответил, что место для комфортной работы у него уже есть, а это предназначено для работы продуктивной. Это формально отец состоял в должности придворного мага. На самом же деле круг его прав, а также, что важнее, обязанностей был гораздо шире. Фактически именно он являлся главным советником короля, что подразумевало – ни одна из государственных сфер не могла остаться без его внимания.

Еще некоторое время папа что-то стремительно набрасывал на бумаге, нумеруя один за другим пункты, и лишь затем отложил лист на край стола. Потом уставился на меня, словно пытаясь разглядеть нечто, взгляду неподвластное.

– Знаешь... – наконец произнес он, – ты так похожа на мать. Смотрю – и не вижу ни одной своей черты.

Это был первый раз, когда он заговорил о подобном. Даже в детстве, когда я не могла понять, почему у всех девочек есть мамы, а у нас с сестрами – нет, объясняла все тетушка Силета. И вот папа сам поднял эту тему. Почему? Почему именно сейчас? Зачем беречь то, что отболело и зажило давным-давно? И чего он ждал от меня? Может быть, вопроса, кто она? Или кем была в его жизни? Так это лишь его дело, не мое.

– Так, может, я не твоя дочь? – поинтересовалась я. – Ты же не проверял.

Папа усмехнулся, словно я сказала что-то смешное. И качнул головой.

– Моя, Гера, моя. Мне не нужны проверки, я знаю это. Я сказал не для того, чтобы обидеть тебя. Скорее предупредить.

– Предупредить? Я... не понимаю.

– На свадьбу съедутся представители королевских семей других стран. И я не хочу, чтобы для тебя стало шоком, когда вы увидите.

– Ты шутишь? – подавшись вперед, переспросила я. – Пожалуйста, скажи, что ты шутишь!

– Меньше всего мне хотелось, чтобы ты вообще когда-то пересеклась с Аюми. Но кто двадцать шесть лет назад мог предугадать, что младшая дочь королевы сама взойдет на трон при трех-то старших братьях?

Сказанное никак не укладывалось в голове. Теоретически существующая мать вдруг обрела плоть и имя, что само по себе было удивительным. Но то, кем она оказалась в итоге, было удивительно вдвойне.

– Прости, пожалуйста, за вопрос, но... как тебя угораздило? – Надеюсь, ситуация позволяла мне задать его. – Это ведь принцесса! А тут – внебрачная дочь, да еще и от подданного другой страны.

– Никто вообще не должен был узнать о твоём существовании. Я сделал для этого все возможное. У самой Аюми пассивный дар, но в ее семье поколениями рождались сильные маги. Так что она была хорошим вариантом. А сумма отступных давала гарантии, что информация не всплывет.

Глаза зачесались скорее всего от усталости, но я сдержала желание потерять их, помня о макияже. Вот так придуманная когда-то давным-давно история, что моя мама принцесса, заточенная колдуном в высокой башне где-то на краю мира, поэтому никто не может ее отыскать, оказалась не так уж далека от истины. Правда, прошла коррективы временем и реальностью.

– Отказные документы в порядке?

– Что ты имеешь в виду? – Кажется, моя реакция не совпадала с той, которую представлял себе отец.

– У королевы Шинтая двое детей – сын и дочь, – припомнила я, – но они оба младше меня. Поэтому я и спрашиваю, в порядке ли документы. Она ведь официально отказалась от меня, так?

– Так, – согласился отец, ожидая продолжения.

– Тогда все хорошо.

– Я подумал... если ты захочешь познакомиться с ней, я не буду против, – непривычно мягко проговорил папа спустя некоторое время.

– Зачем? – Я внешне спокойно пожала плечами, не чувствуя и малой доли этого спокойствия на самом деле. – Какая разница, кто меня выносил или родил – королева или повариха. Зайни Силета – вот кто моя настоящая мама. Это она заботилась обо мне, вытирала слезы и воспитывала настоящей лайди. И никакие факты этого не изменят.

– Я никогда не был горд тобой так, как сейчас, – признал папа, и это чувство на самом деле звучало в его голосе.

– Спасибо, что рассказал, – вместо ответа поблагодарила я. – Боюсь, такая встреча действительно могла оказаться слишком шокирующей. Но теперь я готова. Все будет в порядке, обещаю.

– Никому не говори. – Переживший секунды высшего напряжения отец усмехнулся. – Но когда я решал, рассказывать тебе или нет, меня меньше всего беспокоило – будет ли скандал или нет. Я волновался о том, каково при этом будет тебе. И хотел сделать хотя бы то, что от меня зависит. Я и так слишком много вас лишил. Не думай, что я не осознаю этого.

– Но дал нам гораздо больше, – возразила я. – И поверь, ни одна из нас не желала бы отца лучше.

Папа молча кивнул, явно удовлетворенный услышанным.

Признаться, я думала, что разговор по душам закончен и сейчас меня вежливо уведомят, что нужно возвращаться к делам. Вместо этого отец по эхо приказал подать тай прямо в кабинет и принялся освобождать стол, бессистемно на первый взгляд складывая документы в стопки.

Кажется, всегда на моей памяти он выглядел так же, как сейчас. С морщинками на лице, сединой в волосах и совсем молодыми глазами, ярко-синими до нереальности. Такие разве что у дроу встретишь, ведь, по легендам, именно драгоценные камни – сапфиры, изумруды и рубины – использовала Демиург при создании своих любимых детей. Но папа был чистокровным человеком. Как и все его дочери, кроме Гвендолин. У четвертой по старшинству Гвен были способности, а также характер огненной демоницы. Не знаю, как Аддария свела папу с представительницей этой расы, но шанса он не упустил.

На самом деле о нашей семье ходила несметная уйма сплетен. И самая популярная из них – папа был проклят. Иначе, говорили сплетники, почему у него столько дочерей, но нет ни одного сына? Другие предполагали, что наследник конечно же существует, просто это

нигде не афишируется. И приписывали этот статус то Бертрану, которого папа забрал буквально с улицы, то Мартину, надолго поселившемуся в нашем доме, пока писал портреты. Кто-то даже высказал мнение, что Ирвин Аратэр вовсе даже не племянник короля, а внебрачный сын Навастира Таури, которому его величество дал свою фамилию то ли в благодарность за папину службу, то ли в каких-то крайне засекреченных целях. Причем мне больше всего нравился именно эпитет «внебрачный». Как будто хоть одна из нас была рождена в браке.

Тай уже принесли, и папа даже успел разлить его по кружкам, подсластив мою порцию тремя ложками меда. И это было безумно приятно – знать, что он помнит такие мелочи.

– Скажи, а почему Аратэр? – решила я прервать уютную тишину, царившую в кабинете. – У меня были свои догадки насчет кандидатуры жениха, но предположить, что это будет Ирвин, не хватило ни фантазии, ни самомнения.

– Да, самомнения тебе иногда и впрямь не хватает. – Папа покачал головой и дотянулся до шкафа, извлекая из-за дверцы бутылку с коньяком. Наверное, тай с такой добавкой устраивал его больше. – Тебе стоило бы взять пару уроков у Лизы, видимо, то, что предназначалось вам обеим, досталось ей одной.

– Папа! – Я рассмеялась, едва не расплескав содержимого кружки. – Ты ей, главное, не говори.

– Да, а то она загордится еще больше, – согласился он. – Я отвечу на твой вопрос, но сначала ответь ты. Так за кого, ты думала, я выдам тебя?

– Радаско, – не подумала скрывать я. И уточнила, потому что у Ладамира был вдовый и древний, но вечно бодрящийся отец. – Младший.

– Почему?

Это был уже второй вопрос. Но подоплеку его я понимала. Разумеется, папе были интересны даже не сами выводы – правильные или нет, а то, как я до них дошла. Ну что ж...

– Ты всегда стараешься подбирать тех людей, которых привлечь на свою сторону выгодно для страны. Ладамир состоит в оппозиции, но особых причин на первый взгляд для этого нет. Ну или мне они не известны. К тому же он молод, амбициозен, умен и достаточно одарен в магическом плане. Наши арлы граничат, и если предложить в качестве приданого часть лугов, на которые Радаско давно положили глаз, то едва ли он станет цепляться за мифическую вероятность приблизиться к трону. А ребенок укрепил бы взаимоотношения между родами и получил впоследствии арл, потому как Ладамир единственный наследник отца.

– Говорят, что у матери Радаско был роман с королем. Ребенок, которого она носила и родами которого умерла, был его сыном.

– И это правда? – Если так, то причины выступать против его величества у витте-арла определенно были.

– Нет, – качнул головой отец. – Но кто-то считает, что дыма без огня не бывает. Но ты права – Радаско действительно был бы хорошим вариантом. Возможно, он будет свободен, когда подрастет Клара. Отвечая же на твой вопрос... Гера, я не могу рассказать тебе всего – не потому, что не хочу, а потому что это небезопасно. Даже с этим браком я уже подвергаю тебя опасности, но лучшего варианта в данный момент нет. Сейчас в стране кое-что происходит. И нам приходится прилагать много усилий, чтобы если не предотвратить, то хоть частично контролировать процессы. А сделать это сложно, потому как нельзя быть уверенным, кому можно верить, а кому нет. Поэтому ты нужна мне рядом с Ирвином.

Молодая жена старается быть поближе к мужу – это нормально. Постарайся так и делать. Приглядишься, кто станет посещать ваш дом, кто из слуг появился в арле незадолго до вашего приезда или появится позже. Я доверяю твоей интуиции, используй ее.

Я тоже доверяла своей интуиции. Вот только не могла согласиться, что Ирвин – заговорщик. А отец сейчас сказал это практически прямым текстом.

– То есть тебе нужна шпионка? – Мысль показалась смешной. На эту роль куда лучше подошли бы Дениза или Лиза, но никак не я. Заучка? Обидные слова сестры были куда ближе к правде, чем мне того хотелось бы. Я не годилась для таких дел.

– Не шпионка. – Папа качнул головой. – Мне нужен человек, мнению которого я смогу доверять и который не станет мне лгать, не важно по какой причине. Ирвин хороший парень, но хоть и воздушник, бывает иногда слишком импульсивен. И чересчур самостоятелен. А ни я, ни Инзор не хотим, чтобы он натворил ошибок. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Да, я понимала. Только что здесь зависело от меня? Что артефактор мог противопоставить стихийнику? Не говоря уже о том, что Ирвин банально сильнее меня физически. Да и как я могу предостеречь от ошибок, если даже не знаю, что он собирается делать. «Ирвин, что бы ты ни планировал, перестань»? Боюсь, этот способ не сработает.

– Если что-то покажется тебе странным, или даже просто будут какие-то нехорошие предчувствия, стучи мне. Лучше нырнуть зря, чем оставить клад лежать под водой, боясь замочить ноги. И, Гера... – Он даже вздохнул как-то странно, словно решаясь, говорить или нет. – Не тяни с детьми.

О боги... Вот такой темы я точно не ожидала! Хотя и осознавала, что дело здесь вовсе не в желании папы поскорее обзавестись внуками – их у него хватало. Значит, было что-то другое, пока непонятное мне.

– Хорошо, я... хм... постараюсь. – Точнее, постараться придется Ирвину, а я лишь пообещаю мысленно не использовать никаких средств, этому противодействующих. Хотя сделать простенький амулетик для меня не составило бы никакого труда.

После этого разговор прекратился как-то сам собой, и тишина стала куда менее уютной. Нам обоим было странно и некомфортно из-за обсуждения этой темы, так что, допив вторую кружку чая, я сослалась на необходимость возвращаться к делам. А папа сделал вид, что мне поверил.

– Платье! – вдруг вспомнила я, уже открыв дверь и почти выйдя из кабинета.

– Платье? – не понял он.

– Да, свадебное. Я же не знала про... Аюми, – произнесла одними губами, хотя в приемной по-прежнему было пусто. – А оно сшито по шинтайской моде.

– Ну и что? – Папа пожал плечами. – Если оно тебе нравится, не вижу проблем.

– Хорошо. Светлого дня, папа.

– Светлого, Гера.

А в семерик^[23] Нейни ворвалась в мою спальню, будто случился пожар.

– Гера, мы опаздываем! – Паника в ее голосе убедила бы любого другого, но меня тронула мало.

– Милая, куда опаздываем? – вынырнув из уютных объятий сна, поинтересовалась я, садясь на кровати. – Ты же сама сказала, что сегодня у нас по плану отдых перед «самым знаменательным днем моей жизни», чтобы завтра я была «свежа и прекрасна, как чайная роза». – Две ее цитаты были переданы дословно.

– Это было вчера! – Нейни метнулась к гардеробной и, судя по шороху ткани, что-то там стремительно искала. – А теперь посольства нескольких стран изъявили желание прибыть сегодня, так что через два часа ты должна стоять у трона независимо от свежести и прекрасности. Поэтому быстро в ванну, а я пока подберу платье.

Стоит ли говорить, что после такого заявления с кровати меня сдуло быстрее ветра? Даже темные мушки в глазах от резкого движения показались чем-то весьма незначительным.

И спустя полчаса я завтракала прямо перед зеркалом, пока Азира занималась волосами, что, разумеется, противоречило этикету, но уважаемая королевский распорядитель, маячившая неподалеку, эту вольность мне простила.

– Итак, – вещала она, устроившись на банкетке и сверяясь со свитком, извлеченным, не иначе, из воздуха, потому как ко мне Нейни явилась с пустыми руками. – Первым прибудет посольство Кассии – великий князь с супругой, двумя сыновьями и свитой. Затем еще через час завирийцы – калиф Арисман с тремя женами и старшим сыном. Затем... драконье посольство. Владычица с детьми – два сына, старший и младший, и дочь. Сам владыка Шэрритиэн приехать не сможет. Затем гномы – хранитель и несколько представителей из Совета глав кланов. Потом шинтайцы...

Я вздрогнула, отчего шпилька в руках камеристки больно царапнула кожу головы. Но сестра продолжила, совершенно этого не заметив:

– Королева с наследницей и сыном. Затем дроу и последними – эльроу. Эти как бы не передрались, – тише добавила она. – Итого – семь посольств с разницей в час. Принимать их его величество будет в тронном зале.

– А я там?.. – вопросительно произнесла я, все еще не слишком понимая, зачем там я. Все, кто захочет полюбоваться на невесту второго наследника трона, вполне могут сделать это завтра.

– Сама удивлена, но меня отчего-то не проинформировали, – с несвойственной ей иронией откликнулась сестра. – Может, чтобы Ирвину было на кого опираться, когда ноги устанут?

– Очень смешно! – поймав ее взгляд в отражении, нахмурилась я. – А королевский распорядитель, случайно, там присутствовать не должен?

– Случайно, нет. Но если тебе будет легче, когда вместе с тобой будет страдать кто-то из родных, вспомни, что там будет папа.

Ну да, об этом я как-то не подумала. Естественно, придворный маг должен будет присутствовать, это не обсуждается. А это значит, можно немного расслабиться – в обиду он меня точно не даст.

– Азира, в футляре диадема, закрепи ее, – заметив, что камеристка почти закончила мою прическу, Нейни кивнула на обтянутую алым бархатом коробочку на краю туалетного столика.

– С каких пор ты даришь мне драгоценности?

– Это подарок от твоего жениха, – не поддалась на провокацию она.

Стоило взглянуть на оправленные в серебро крупные рубины, как становилась понятна причина выбора Нейни красного платья. Сама же я определенно выбрала бы что-то менее яркое и привлекающее взгляд. Лучше всего – черное. И шляпку с плотной вуалью...

Этой мыслью я поделилась с сестрой, отчего она как-то странно прищурилась.

– Гера, с каких пор ты стала такой трусихой?

– Я не трусиха, – возразила я, стараясь от возмущения не крутить головой, Азира как раз крепила диадему, – просто не люблю публичности. Это ты получаешь удовольствие, находясь в центре внимания, но не всем же быть такими!

– Привыкай, скоро это станет твоей почетной обязанностью. Как только вернетесь из шелкового алькова, у тебя существенно прибавится дел. Не забывай, что ты будешь единственной женщиной в королевской семье, так что отвертеться не получится. Азира, сделай ей губы ярче, они теряются на фоне платья.

Я впервые, с момента выпуска из академии, испытала желание стукнуться пару раз головой об стол. Эту часть супружества я как-то обошла вниманием. Мне представлялась полузатворническая жизнь в арле мужа, на деле же придется вливаться в дворцовую суету, а это было последним, чего бы мне хотелось. Радовало, что Нейни будет рядом, потому что без ее помощи мне придется туго. Сложно даже выбрать фрейлин, не говоря уже о чем-то более серьезном. Например, благотворительности.

– Все, не раскисай! – велела Нейни после того, как камеристка добавила по ее распоряжению еще несколько штрихов к макияжу. – Нам пора.

– Подожди, я кое-что забыла! – Едва она занесла руку, чтобы открыть портал, я вскочила с пуфа и направилась в спальню.

Именно там, в ящике прикроватной тумбы, с того знаменательного вечера лежал артефакт, который стоило благодарить за мое спокойствие и выдержку. И при сегодняшних обстоятельствах без него мне, чую, не обойтись.

Нацепив подвеску на шею и привычно упрятав ее вместе с цепочкой под личный щит, я буквально увидела со стороны, как расслабляются напряженные плечи. Ну вот, гораздо лучше. Отметила это и Нейни, стоило мне вернуться.

– Ты успокоительного настоя хлебнула? – с уже видимым мной ранее прищуром уточнила она. – Впрочем, хорошее решение. Все, пойдем.

Чуть дрожащая в воздухе рамка портала приглашающе распахнулась перед нами.

То ли мои сборы заняли больше времени, чем мы думали, то ли мужчины решили ожидать нужного часа уже на месте, но факт остается фактом – к этому моменту в тронном зале собрались все трое Аратэров, отец с Бертраном и церемониймейстер. Точнее, это были лишь те, с кем я знакома лично. Еще четырех мужчин, советников его величества, я знала лишь по именам, а остальные, скорее всего, были не более чем массовой.

– Светлого дня, лайдис, – ожидаемо заметивший дочерей первым отец что-то сказал королю, так что тот поспешил громогласно поприветствовать нас, разумеется, обратив на это внимание всех присутствующих. Моя надежда затаиться до поры до времени разлетелась на

осколки.

Мы с Нейни приблизились и синхронно присели в реверансах. И я не могла не отметить, что в движениях сестры было то, чего вновь не хватало мне, – легкости. Техника техникой, но когда отпадает необходимость делать это по сто раз на дню, воздушность движений очень быстро исчезает. Кажется, еще один пункт, на который стоило обратить внимание в будущем.

– Кажется, вашим придворным дамам будет чему поучиться, – уже не повышая голоса, так что слышали его лишь стоящие рядом, заметил его величество и, совершенно не скрываясь, рассматривал меня. – Такое короткое время на подготовку и столь поразительный результат!

– Думаю, за это стоит благодарить Венейну, – не стала умалять достоинств сестры я.

– Лайдис Венейна, – король перевел взгляд на нее, отчего мне сразу стало как-то легче дышать, – я с каждым днем все больше убеждаюсь в правильности своего решения.

– Благодарю, ваше величество. – Нейни и без всяких успокоительных была сама безмятежность. – Я постараюсь оправдать ваше доверие.

– Несомненно. Думаю, вы не откажетесь составить компанию супругу?

Я даже испытала некое злорадство, наблюдая за тем, как сестра подтверждает горячее желание остаться в зале и направляется к мужу, который, очевидно, и сам только пришел. Относилось это чувство конечно же к тому обстоятельству, что теперь еще одной представительнице рода Таури (пусть и в далеком уже девичестве) придется участвовать в приеме высочайших гостей.

– Ирвин, предложи невесте присесть, – продолжил меж тем король, отрывая племянника от разговора с одним из тех, кого я отнесла к советникам. – Юная лайди имеет право отдохнуть, пока у нее есть такая возможность.

Ирвин молча двинулся ко мне, не высказав недовольства, но и не особо обрадованный таким раскладом, судя по всему. Очевидно, его оторвали от чего-то более важного и интересного, чем навязанная супруга. А я, принимая предложенную им руку, не могла не отметить того, как ловко его величество играет словами. Тасует их, как карты в колоде. Сначала он во всеуслышание обратился к нам с сестрой «лайдис», тем самым подчеркнув замужний статус обеих, а затем назвал меня невестой племянника. Понятно, что все, кто хотел и умел слышать, сделали нужные ему выводы, но вот какие именно? Этого понять я не могла.

– Благодарю за подарок, – расправляя юбки так, чтобы они не мешали Ирвину присесть рядом, произнесла я. И, встретив его недоуменный взгляд, подняла руку, касаясь кончиками пальцев украшения в волосах.

– А, подарок... – словно ожидая чего-то другого, кивнул он. – Я рад, что вам понравилось. – Радости, впрочем, на лице жениха видно не было. Скорее желание вернуться к прерванному разговору, а еще лучше – и вовсе покинуть зал.

– Несомненно, – так же безэмоционально подтвердила я.

– Вы не любите украшения? – по-своему понял мою реакцию Ирвин.

– Разве существуют женщины, которые их не любят? – Ответный вопрос показался мне поначалу лучшим вариантом, но затем решила продолжить: – Я просто не слишком ценю их сами по себе. Куда интереснее то, во что можно превратить любое изделие или какими свойствами его наделить.

– И какими же свойствами вы бы наделили... – взгляд жениха скользнул по моим рукам с несколькими кольцами, браслету на левом запястье, почти мимолетно – по колье на шее и

поднялся к диадеме, – например, мой подарок?

– О! – Любимая тема вкупе с пришедшей в голову идеей, как слегка уязвить мужчину, буквально наполнила меня энтузиазмом. – Вы знаете, считается, что рубины лучше всего предрасположены к «сердечным» заклинаниям. Так что я, пожалуй, наложила бы на два крайних камня неотразимость и концентрацию или усиление на центральный.

– И что бы это дало? – Разумеется, стихийник подобные вещи в академии изучал едва ли, но теперь в его голосе звучала хоть толика интереса.

– Вложи я в это весь свой резерв и замкни заклинания на себя? Единожды бросив на меня взгляд, вы уже не смогли бы отвести его. И, без сомнения, стали считать самой неотразимой женщиной в этом зале. – В непосредственной близости от нас никого не было, так что ничего не мешало мне слегка поиграть тоном, добавив флиртующих ноток. А затем, вновь став серьезной, поинтересоваться, словно у самой себя: – Может быть, хотя бы тогда, разговаривая со мной, вы и смотрели тоже на меня?

Будь рядом Лиза, она бы осталась мной довольна. Мне определенно удалось пробить защиту Ирвина, заставив его на мгновение снять маску, скрывающую эмоции. А в том, что это действительно была лишь маска, а не сочетание черт его характера, теперь можно быть уверенной.

– Скажите, ваша светлость, – спеша закрепить успех и пользуясь тем, что Ирвин не просто обратил на меня взгляд – даже повернулся всем корпусом, – я настолько неприятна вам? Или напоминаю кого-то ненавистного? Или же вы узнали обо мне что-то настолько мерзкое, что знать теперь не желаете?

– Что вы имеете в виду? – Растерянность, это была именно она. А затем Ирвин резко мотнул головой: – Конечно нет! С чего такие предположения?

– Я просто пытаюсь как-то обосновать ваше отношение ко мне, но пока не могу, – припомнились и пришлись весьма кстати слова Нейни. – Да, я не ваш друг, с этим не поспорить. Но и врагом тоже быть не хочу. И да, я не сильна в подобных вопросах, но разве супружество не предусматривает хотя бы попытку достигнуть взаимопонимания?

Будучи совершенно спокойна, я могла говорить искренне, не боясь скатиться к обидам или тем паче оскорблениям. Ирвин не мог этого не видеть. Но поймет ли он то, что я пыталась донести, – вот в чем вопрос.

– Дело не в вас, – наконец произнес он, но я поспешила не согласиться:

– Нет, дело во мне! Извините, но это действительно так. Потому что именно мне завтра называть вас мужем в храме, именно мне жить с вами в одном доме, и именно мне ложиться в вашу постель. – Последнее было смело, но шагать назад смысла я не видела. – Я не требую от вас любви, всего лишь прошу о человеческом отношении. Хотя бы этого я достойна, лайд Ирвин?

– Ирвин. – Усмехнувшись уголком рта, он поправил меня через несколько секунд тишины, за которые я с трудом заставила себя дышать ровнее.

– Простите?

– Ирвин, Илгерта. Просто Ирвин. – И, поднимая мою ладонь к губам впервые за время знакомства, уточнил: – Мы же теперь одна семья, верно?

– Верно, – кивнула я, улыбаясь в ответ. Радоваться победе было рано, но на этом этапе однозначно вела я.

За несколько минут до начала прибытия делегаций его величество первым прошел к

своему месту, подавая тем самым пример остальным. И хотя я с бóльшим удовольствием присоединилась бы к сестре, права выбора мне никто не давал. Но частично исчезнувшее напряжение между мной и Ирвином уже было существенным плюсом. Потому как стоять нам предстояло рядом – слева от трона. Трон же поменьше, скорее походивший на щедро украшенное кресло, занял, как всегда довольный чем-то, Истар, а советники во главе с отцом расположились за их спинами.

Я поймала взгляд отца и улыбнулась ему, принимая медленно опустившиеся и тут же поднявшиеся веки за знак поддержки, которой так мне сейчас не хватало. Пока он рядом – я со всем справлюсь. Определенно.

– Великий князь Кассийский Ренард ди Нартель, – голос церемониймейстера не имел ничего общего с его внешним обликом и легко разносился не только по всем уголкам огромного тронного зала, но и наверняка был слышен в ближайшей части дворца, – и великая княгиня Филисия ди Нартель с сыновьями и свитой!

Князь вампиров был высок, худощав и одет скорее удобно, чем красиво. Впрочем, черное одеяние удачно гармонировало с цветом волос и классической бледностью лица, а также полностью соответствовало ожиданиям окружающих. Княгиня же, не уступающая ему в росте, но обладающая приятной полнотой, напротив, предпочла платье яркого лазурного цвета по последней дастарской моде. И даже волосы были лишь закреплены гребнями, повторяющими узор короны, а не заплетены в одну из традиционных сложных кос.

– Светлого дня, Инзор. – Не утруждая себя этикетом, Ренард лишь слегка склонил голову, приветствуя венценосного коллегу. Наверное, их отношения позволяли подобное – наши страны граничили, так что и поводов для встречи всегда было предостаточно, будь то торговля, выдача преступников или военная поддержка.

– Светлого дня, Ренард. Филисия, ты расцветаете с каждым годом!

– Лестец! – по-девчоночьи скромно улыбнулась вампирша, но это больше напоминало кокетство.

– Ну что ты, тебе я говорю исключительно правду, – двусмысленно откликнулся король. – Друзья, позвольте представить вам лайди Илгерту Таури – невесту моего племянника.

Когда было нужно, вампиры умели двигаться буквально молниеносно. Но сейчас князь, наоборот, будто стремился продемонстрировать плавность и текучесть движений, приближаясь ко мне и протягивая руку в ожидании, что я вложу в нее собственную ладонь. Не знаю, какой реакции он ждал. Возможно – страха, потому как некоторые и впрямь опасались гастрономических пристрастий его расы. Некоторые присутствующие дамы даже не пытались скрыть нервных вздохов. Конечно, мой страх в случае необходимости был бы надежно заблокирован артефактом, но сейчас это было ни к чему. Да, большинство вампиров предпочитали академию в Столье, но и в столичной их было не так мало, чтобы суметь сделать нужные выводы. Так что я знала – страшиться нечего.

Ренарду хладнокровие, с которым я позволила поцеловать руку, явно понравилось, судя по растянувшимся в улыбке и явившим уголки клыков губам.

– Рад знакомству.

– Взаимно, ваша светлость. – Я отпустила запястье жениха и присела в реверансе.

– Навастир, надеюсь, когда придет черед жениться моим сыновьям, хоть пара твоих дочерей будет свободна, – обратился он к отцу, давая понять, что и с ним состоит если не в дружеских, то хотя бы приятельских отношениях.

Что тут же подтвердил папа, тихо, но отчетливо усмехнувшись:

– Занимай очередь, Рен, не ты единственный на это надеешься.

– Вот так всегда, – рассмеялся вампир, – как пошины на алкоголь снизить, так пожалуйста, а как породниться, так становись в очередь. Эх, Инзор, плохой у тебя маг.

– Поэтому ты уже полстолетия жаждешь переманить его к себе? – провокационно поинтересовался его величество.

– Конечно, тебя же спасти хочу!

– Это так благородно с твоей стороны, что я даже не знаю, как тебя благодарить...

Правители, которые ведут себя, как подростки? Что ж, это понять я могла. Но вот почему нельзя перенести это в более приватную обстановку?

Очевидно, та же мысль пришла в голову и княгине. Либо она уже привыкла к подобному и контролировала данный процесс.

– Ренард?.. – Вопросительный тон вампирши заставил ее супруга оторваться от беседы, если ее можно было так назвать. – Дары.

Раньше мне не доводилось присутствовать на подобных приемах, так что последовавшее далее стало сюрпризом. Стоило князю бросить быстрый взгляд на одного из своей свиты, как в зале раскрылся портал. И из него, словно муравьи, ровной колонной начали выходить вампиры. И руки ни одного не пустовали. У подножия трона постепенно стала образовываться гора «даров», как их назвала Филисия. И чего там только не было! Ящики с шатэ, которым славились земли вампиров. Отрезы тканей, стоимость которых измерялась в сотнях альдов. Оружие, больше похожее на предметы искусства.

Король наблюдал за подношениями с одобрением, княжеская чета – с хорошо скрываемым самодовольством, а я... Смысл сего действия, признаться, от меня ускользал. Ведь каждому понятно, что все это его величество при необходимости может купить самостоятельно. Правда, будет ли она, эта необходимость? Ну, допустим, шатэ без дела стоять не будет. Тканям тоже найдется применение. А оружие, посуда, резные наборы шахмат? С ними-то что делать? Разве одаривать особо отличившихся... Но все мысли вылетели из моей головы, когда из рамки портала вывели их.

Мэтр Доминг, когда-то создавший этих чудесных существ и давший им свое имя, был вампиром. Это ни для кого не секрет, как и то, что его сородичи до сих пор не желают останавливаться на достигнутом, выводя все новые и новые породы домингов. И сейчас перед нами стояли два зверя, равных которым я не видела никогда. Более крупный и мощный, наверняка самец, имел окрас спелой черники, оттеняемый серым цветом вибриссов и шерсти на кончиках ушей. Глаза также были серыми с расширенными почти до границ радужки зрачками. Самка была меньше, но хрупкой или болезненной вовсе не выглядела. Точнее изящной, как шинтайские танцовщицы на подмостках комедиантов. А ее шерсть... Я знала, что необычный голубой оттенок имеют особи, неспособные к деторождению, – альвины. Но даже если светло-лиловая красавица имела тот же изъян, она все равно была прекрасна.

– Нравятся? – Я почти пропустила тот момент, когда князь обратился к нам с женихом.

– Они восхитительны, – совершенно искренне, судя по тону, откликнулся Ирвин.

– Мэйнард и Мирайна – лучшие из выводка, – похвасталась его супруга так, будто лично занималась выведением. Хотя кто их, вампиров, знает...

Дальнейшее походило на повторяющиеся туры танца: объявление новой делегации,

взаимные церемонные расшаркивания с обеих сторон, процедура одаривания (хорошо, что дары каждый раз успевали уносить, иначе короля уже не было бы и видно) и жест его величества, после которого вновь прибывших вели располагаться в приготовленные загодя покои.

К тому моменту, когда зал покинули гномы во главе с хранителем традиций – совсем еще молодым, по их меркам, кадом^[24] Тшашем, я держалась лишь благодаря воспитанию. Гудели ноги, болела от тяжелой диадемы голова, а следить за осанкой становилось все сложнее. В какой-то момент я даже пожалела, что чудный артефакт контролирует чувства и эмоции, а не физические ощущения. А еще все больше хотелось пить, есть и отлучиться по другим, не менее важным делам.

Отец наклонился к Ирвину и что-то сказал так тихо, что я не услышала, хотя очень пыталась. Жених кивнул и осторожно потянул меня в сторону, ровно противоположную той, откуда с минуты на минуту, как мне казалось, должна была появиться делегация Шинтая.

– Куда мы идем? – как можно тише поинтересовалась я. Взгляды присутствующих и так притягивались к нам, как магнитом, так что привлекать еще большее внимание не хотелось.

– Скоро увидите, – вместо нормального ответа пообещал он.

Стенная панель за одной из колонн открылась, будто дверь, повинувшись прикосновению Ирвина, и за ней обнаружился узкий, буквально для одного человека проход.

– Тайный ход?

– Не такой уж тайный, – покачал головой Ирвин, жестом предлагая мне пройти, – просто не для всех. Прошу вас, Илгерта, у нас мало времени.

Решив, что для споров действительно не время, я послушно вошла, отметив, как панель за нашими спинами бесшумно вернулась на место.

Коридор через десяток шагов раздваивался, и каждый из них заканчивался дверью.

– Вам направо, – велел жених, сам проследовав в противоположную сторону. – Постарайтесь управиться за пять минут.

Я же говорила, что пока рядом будет папа, я не пропаду? За указанной дверью оказались три небольших уборных. То есть буквально отдельных комнат, из тех, где комфортно могла себя чувствовать дама даже в самом пышном платье, а также где имелась тысяча мелочей, которые могли понадобиться, вроде расчесок, шпилек и булавок.

Управилась я, по ощущениям, минуты за три, успев при этом поправить прическу и убедиться в нетронутости макияжа. И, ополоснув руки, двинулась в ту сторону, куда ушел Ирвин.

– Приятно удивляете. – Он распахнул дверь раньше, чем я успела сделать несколько шагов. Впрочем, мраморный пол довольно громко отзывался на стук каблуков, так что это и неудивительно. – Проходите.

На столике в углу уютился поднос с песочными корзиночками, начинки которых устроили бы самого придирчивого гурмана. Но в данный момент придирчива я была меньше всего, так что вполне довольствовалась двумя первыми попавшимися – с грибами и с икрой. А сделав несколько глотков остывшего, но оттого не менее вкусного чая, и вовсе почувствовала себя счастливым человеком.

– Для кого это приготовили?

Ирвин к трапезе не присоединился. То ли не был голоден, то ли успел перекусить за время моего отсутствия.

– Ваш отец распорядился. Но вообще это обычная практика. Пойдемте, королева

прибудет с минуты на минуту.

Лучше бы он этого не говорил...

– Королева Шинтая, ее величество Аюми Ио, – мощный голос вновь разнесся по залу, когда мы уже вновь стояли у трона. Моя рука касалась запястья жениха, и если бы не два слоя ткани, он без труда почувствовал бы мой ускорившийся пульс, – с кронпринцессой Ируми, сыном Кито и свитой.

«Что ж, отец, как всегда, оказался прав, предупредив меня заранее», – как-то отстраненно подумала я, неотрывно глядя на шагнувшую в зал первой стройную фигурку. Говорят, с зеркалом не поспоришь. Так и мне было бы глупо оспаривать свое родство с женщиной, чье лицо было почти отражением моего, разве что с поправкой на возраст. И ее алое платье лишь подчеркивало это сходство, обостряя его до предела аналогичностью фасона. А корона в черных волосах, инкрустированная по большей части рубинами, была далеко не тонким намеком на подоплеку утреннего подарка жениха. Мог ли он не знать, как выглядят регалии Шинтая? Очень сомневаюсь. Тогда что это – провокация? Или что-то другое?

– Светлого дня, Инзор, – отводя взгляд от меня, что далось ей, кажется, с большим трудом, ее величество легким кивком поприветствовала дастарского короля. На самари^[25] она говорила с небольшим акцентом. – Пусть боги даруют тебе покой и благоденствие.

– Светлого дня, Аюми. – Инзор поднялся с трона, чтобы поцеловать узкую ладошку с массивными перстнями. – Мой дом рад приветствовать тебя и твоих детей.

Детьми шинтайки в данном случае считались и подданные, за которых королева несла ответственность.

– Мне стало известно, что двое твоих детей нашли свое счастье. Так ли это?

– Истинно так, Аюми. Позволь представить тебе частицу души моего племянника – Илгерту. – Он протянул руку, вынуждая меня подойти ближе.

Его величество опустил фамилию, но в данном случае это не имело большого значения. Аюми прекрасно знала, кто мой отец и, гораздо важнее, кто мать. Верные выводы, судя по едва слышным перешептываниям сзади, успели сделать многие.

Ирвин осторожно пожал мою руку, прежде чем отпустить, но я это едва заметила, приближаясь к венценосной паре, замершей в нескольких шагах впереди, и приседая в реверансе. Но королю этого словно показалось мало, так что он еще и обнял меня за плечи, подвигая еще ближе к Аюми.

– Рада познакомиться, Илгерта, – будто пробуя имя на вкус, перекатывая его на языке, ее величество протянула руку. В Шинтае рукопожатиями обменивались не только мужчины, но и женщины. Правда, во втором случае это было все-таки легкое касание.

Ее ладонь оказалась почти ледяной. Как и мои руки, бывшие холодными независимо от времени года или температуры в помещении. Говорили, что у людей с холодными руками горячее сердце. Кто знает, так ли это.

– Взаимно, ваше величество. Для меня огромная честь познакомиться с вами. – Отец может мной гордиться. Голос звучал спокойно, с должной долей восхищения, но без малейшего заискивания или раболепия. И что важнее, без тени волнения, заблокированного надежной подвеской на шее.

Не знаю, чего я ждала. Возможно, ребенок внутри меня надеялся на чудо. На то, что Аюми поймет, что когда-то совершила ошибку, отказавшись от дочери, и захочет ее

исправить. Но королева отпустила меня и улыбнулась. Так отстраненно вежливо, как умеют улыбаться только сильные мира сего. Что ж, все верно. Ей незачем жалеть о своем решении, так почему это должна делать я.

Лайд Инзор позволил мне вернуться на место, что я и сделала, совершенно не слушая, о чем они дальше ведут разговор. Взгляд Ирвина чувствовался буквально кожей, но я лишь слегка наклонила подбородок, подтверждая, что все в порядке. Конечно, в порядке. А как же может быть еще?

Правда, беспокоило еще что-то. Зудело назойливой мошкой на краю сознания. И обводя глазами шинтайскую делегацию, я поняла, что именно. Как ни иронично, но принцесса Ируми была похожа на мать не больше, чем любая другая шинтайка, – темные волосы да глаза, вот и все сходство. У нее был другой овал лица, другие черты и даже ростом она существенно уступала Аюми или мне. И корона наследницы на тщательно накрученных локонах (а я прекрасно знала, какого труда стоит заставить их оставаться в таком состоянии) была тоньше моей диадемы, пусть и сделана из золота.

Но не внешность была главной, а то, каким взглядом единоутробная сестра смотрела на меня. Не буду спорить, у нее появилась причина меня не любить. Но как это соотносилось с Ирвином, взгляд на которого тоже был весьма красноречив? Почему-то складывалось впечатление, что именно мое присутствие рядом с ним раздражает Ируми больше всего.

Отложив эту идею до лучших времен, – все равно задать сейчас жениху вопрос, как он связан с шинтайкой, я не могла – перевела взгляд на брата. Что ж, когда-то в веренице сестер должен был появиться и он. Пусть и не с той стороны, с которой стоило ожидать.

Кито выглядел куда дружелюбнее. По крайней мере, на меня он смотрел скорее с взаимным интересом и любопытством, чем с неприязнью. Не знаю, сколько ему было лет, но в фигуре сохранилась еще подростковая нескладность. Через пару лет Кито определенно станет завидным женихом. Впрочем, о чем это я? Принц одной из крупнейших стран – он был бы в фаворе у девушек в любом случае и с любой внешностью. И по этой же причине едва ли Кито самому суждено выбирать свою судьбу.

Тем временем началась привычная уже процедура – сквозь открытый портал к ногам короля стали стекаться дары – ткани, оружие, напитки... Все, не единожды виденное мной сегодня. Надо сказать, такие разные правители оказались поразительно одинаковы в некоторых вещах. Коробки с шинтайскими сладостями наверняка отправятся прямым ходом на кухню, чтобы завтра попасть на свадебные столы. Статуэтки, которые в Шинтае принято ставить на каминные полки для привлечения милости богов, – в кладовые. Пасторальные пейзажи, быть может, украсят несколько покоев во дворце.

К тому моменту, как пришло время для подарков жениху и невесте, то есть нам с Ирвином, ничего представляющего интерес я уже не ждала. Переплюнуть пару домингов, подаренную вампирами, все равно не смог никто. Хотя и порадовали гномы, щедро откупившиеся внушительным сундучком с ограненными драгоценными камнями, которым точно найдется применение в моей работе. Впрочем, заривийский калиф также обошелся драгоценностями, но уже в виде украшений, и его подношение тоже было кстати. В этой стране наряду с многоженством существовало рабство, а подарить новобрачному обученную массажу и иным премудростям девственницу считалось особой честью. И большая редкость, если девушка была хотя бы совершеннолетней.

Когда мне протянули плоскую шкатулку, я уже готовилась изобразить благодарность и восхищение. Но стоило щелкнуть замочку, как оказалось, что изображать ничего не

придется. То, что лежало на бархатной подложке... Такие вещи не дарят безразличным людям. Да что там – такие вещи вообще не дарят!

Я подняла на королеву ошарашенный взгляд, не до конца еще веря, что это действительно то, чем кажется, но уверенный кивок вкупе с таившейся в уголках губ улыбкой подтвердил догадку. Мой подарок имел много названий, но самым простым из них, тем, что использовали большинство артефакторов, было – нейтрализатор. Круглый медальон размером с ладонь из сплава альрама и золота, испещренный символами, которые не соответствовали ни одному из известных языков, существовал едва ли в десятке экземпляров. И обладал действием, которое до сих пор так и не смог повторить ни один из самых искусных магов.

Дело в том, что создание артефактов имело свои нюансы. Ошибись я в плетении хоть раз, – всю работу пришлось бы переделывать. А перед этим неверное плетение необходимо было распустить, что тоже занимало время, и немалое. Да, можно было поступить иначе, уничтожив свое (или чужое) творение буквально в одно мгновение, но в таком случае рвались уже существующие в металле или камне магические связи, и в итоге мы имели испорченное изделие, не подлежащее восстановлению. Нейтрализатор же творил почти невозможное – задав необходимый тип энергии, ее можно было нейтрализовать, оставив заготовку нетронутой.

Стоит ли говорить, что любой мастер с радостью отдал бы за подобную вещь любые деньги? А мне он достался просто в подарок... Немыслимо!

Прием двух следующих посольств прошел практически мимо меня. Дроу и эльроу – темные и светлые эльфы, буквально ненавидящие друг друга, на самом деле были куда более похожи, чем хотелось бы им самим. И дело даже не во внешности, которая, разумеется, имела определенные отличия. Рука прекрасной Эньен чувствовалась во всем, как бы ни старались две расы подчеркнуть свое различие. А из наследника Эней-Тианэ и наследницы Ристалла, на мой взгляд, вышла бы поразительно красивая пара.

Впрочем, моего мнения никто не спрашивал, а выражать его самостоятельно я и не думала. Во-первых, из-за опасности таких рассуждений как для себя лично, так и для политической ситуации в целом. А во-вторых, из-за смертельной усталости. Так что, покидая тронный зал одной из последних, за исключением его величества и его советников, в сопровождении жениха, я мечтала лишь об одном – скорее оказаться дома. Мысли о сытном ужине и мягкой кровати буквально занимали всю голову, и даже завтрашнее бракосочетание казалось чем-то далеким и не слишком важным.

Но мечтам, как водится, было не суждено сбыться. Стоило нам сделать несколько шагов по коридору, как перед глазами возник с вежливым поклоном юноша. Шинтаец, один из свиты королевы, дождался двух вопросительных взглядов и лишь тогда, еще раз поклонившись, обратился ко мне:

– Ее величество Аюми просит вас почтить ее своим присутствием для приватной беседы.

Что ж, кажется, я ошиблась – королева все-таки заинтересовалась мной. Просто решила не афишировать этот момент.

– Лайд Ирвин, прошу меня простить...

Жених, не дослушав, отвел меня в сторону и, склонившись к уху, почти прошептал:

– Ее величество из тех, для кого интриги – лучшее развлечение. Будьте осторожны и

следите за тем, кому и что говорите.

За кого он меня принимает?! За сентиментальную барышню, что бросится на шею вновь обретенной матери и начнет изливать ей душу?!

– Благодарю за совет, – холодно откликнулась я. И, освободившись от его руки, вернулась к шинтайцу. – Пойдемте. Я не хочу заставлять ее величество Аюми ждать.

Юноша вновь поклонился и двинулся вперед.

В этой части дворца, где разместили членов посольств, я прежде никогда не бывала. А потому не могла не оглядываться, хотя бы мимоходом, по сторонам, несмотря на усталость. Тем более что мой проводник шагал как раз в том темпе, при котором можно было себе это позволить.

И первая мысль, потом еще долго не желавшая выходить из головы, была о том, что, будь я на месте короля (чисто теоретически, разумеется), сменила бы не только распорядителя, но и декоратора. Потому что внутреннее убранство этого крыла было дорогим, помпезным и... совершенно безвкусным. В какой-то дикой дисгармонии здесь соседствовали начищенные латы, популярные лет этак пятьдесят назад, напольные вазы едва ли не в половину человеческого роста, экзотические деревья и еще боги знает что. И оттенялось все это великолепие выкрашенными в золотой цвет стенами, словно нейтральный бежевый был отчего-то ненавистен неизвестному мастеру.

Стоит ли говорить, когда мы наконец добрались, я понадеялась, что больше причин здесь бывать у меня не будет. Юноша остановился перед дверью, настучал какой-то затейливый ритм по деревянному полотну и, дождавшись разрешения, с поклоном открыл ее передо мной. Интересно, это традиция какая-то? Что-то я не замечала подобного за шинтайцами, которые учились со мной в академии.

К счастью, в самих покоях все было куда скромнее, чем в коридорах.

Королева с разобранной уже прической, в простом платье и туфлях почти без каблука поднялась с дивана, приветствуя меня. И хотя с момента нашей последней встречи прошло едва ли больше двух часов, ее действия были вполне понятны. Аюми таким образом пыталась познакомиться со мной заново. И весь ее нарочито домашний облик был лишним тому подтверждением. Но неужели она, как и Ирвин, ожидала, что я тут же растаю?

– Ваше величество. – Я присела в глубоком реверансе, задвигая на задний план утомление и желание поскорее закончить этот разговор, пусть он еще и не начался.

– О, прошу, зови меня просто Аюми, – широко и на первый взгляд естественно улыбнулась она, подходя ближе и беря меня под руку.

Спасибо артефакту – я лишь слегка расширила глаза, вместо того чтобы выразить свое удивление. Аюми? А почему же сразу не «мама»? Впрочем, принимать ее предложение я не собиралась в любом случае. Столько наглости, чтобы называть правительницу другого государства по имени, у меня точно нет. Но и демонстративное непослушание тоже ни к чему хорошему не приведет.

– Лайдис Аюми, – такой вариант показался мне наиболее подходящим, – в таком случае, если вы не против, зовите меня Герой.

Ответная вынужденная любезность заставила ее буквально просить. Вот интересно, ей точно больше сорока, из них пятнадцать лет прошло на троне. И, судя по обстановке в стране, королева неплохо справляется со своими обязанностями. Так к чему взрослой женщине и мудрой правительнице затевать этот фарс? Даже если предположить, что раньше

она совершенно не интересовалась моей судьбой, этой пары часов вполне могло хватить, чтобы собрать основные сведения. И понять, что простодушной наивностью и излишней доверчивостью я не отличаюсь. А уж в то, что королеве вдруг возжелалось проявить материнский инстинкт, а брат с сестрой для этого отчего-то не подошли, поверила бы совсем уж дуручка. Настолько сомневаться в своих умственных способностях мне вовсе не хотелось.

Тем временем меня буквально усадили за небольшой накрытый столик, продолжая играть роль радушной хозяйки и щебеча что-то о том, как я наверняка проголодалась и устала. И как тяжелы, но необходимы тяготы дворцового протокола. И что я обязательно к этому привыкну, а может, даже пойму, что мне это нравится. И восхищаясь тем, какая у нас чудесная страна, но Шинтай ничуть не хуже, а в чем-то лучше, поэтому мне обязательно стоит там побывать. А Аюми с удовольствием примет меня у себя во дворце...

Я жевала, почти не чувствуя вкуса блюд, периодически кивая или вставляя реплики в нужных местах, но думая при этом совершенно о другом.

Не знаю, как в остальных учебных заведениях, однако в столичной академии хоть и делался упор на магические дисциплины, про остальное тоже не забывали. Так что факультативов, которые студенты могли посещать независимо от специальности, было предостаточно. И одним из них был курс «Теория общения». Так вот то, что сейчас делала Аюми, наш преподаватель эльроу высокопарно называл «кружевом слов», а мы между собой куда проще – заговариванием зубов. Попросту говоря, меня сейчас пытались расслабить, утомить и отвлечь, чтобы потом вывести на нужную тему. И этой темой наверняка...

– Гера, надеюсь, ты не считаешь, что мое отсутствие в твоей жизни означает, что я про тебя забыла. – Стоило мне расправиться с ужином и отложить вилку, королева разлила по бокалам шатэ и подвинула один из них ко мне.

– Конечно, нет, лайдис Аюми, – подтвердила я. Не говорить же, что о ее существовании я узнала несколько дней назад, да и размышлять на эту тему как-то не было ни времени, ни желания.

– Мне всегда было приятно получать известия о твоих успехах. Примерное поведение, отличная учеба в школе, затем академия, законченная с альрамовой лентой. Никаких публичных романов, сплетен, скандалов. К сожалению, твоя сестра не может похвастаться тем же...

В первую секунду я не поняла, о какой из сестер идет речь. Но потом догадалась – Ируми. Значит, королева недовольна поведением дочери. Но стоило ли это озвучивать мне?

– Принцесса Ируми еще юна и имеет право на... промахи.

– Та, кто хочет стать королевой, должна задумываться о своих поступках и отвечать за них с раннего детства. А моей младшей дочери давно не пять лет.

Я ее не понимала. Неужели у Аюми настолько плохо с людьми, которым можно доверять, что она решила излить душу мне? Очень сомневаюсь. К тому же унижение одной дочери перед другой – едва ли хороший способ завоевать доверие.

– Скажи, – внезапно сменила тему она, – ты знаешь, что... хм... договор, заключенный между мной и твоим отцом, существует лишь в двух экземплярах?

– Да, лайди, но... – К чему она клонила? При чем здесь вообще этот договор?

– И если с бумагами, которые хранятся в сейфе в моем кабинете, что-то произойдет, а Навастир про свои... допустим, забудет, первой наследницей трона будешь именно ты?

– Что может произойти с документами, хранящимися в одном из самых защищенных мест? – не в силах поверить своим ушам, растерянно переспросила я.

Королева сделала глоток из бокала, легко пожала плечами, и предположила:

– Пожар? В сейфе к тому же находятся и артефакты. Некоторые из них могут вступить в противодействие и спровоцировать возгорание.

Что ж, кажется, она действительно имела в виду то, во что сложно было поверить. Мысли метались, как испуганные ласки. Что это – проверка? Тогда какой реакции от меня ждут? Или, быть может, Ируми сделала что-то действительно плохое, что сложно заметить даже на королевском уровне? Все-таки зря я согласилась на эту аудиенцию. Будь рядом папа, было бы гораздо проще.

– Гера, я люблю Ируми. Она моя дочь и хорошая девушка, – буквально фосфоресцирующее «но» так и слышалось в ее словах. – Но она не годится на роль королевы. Такие, как Иру, не понимают, что власть – это скорее обязанность, нежели право. И злоупотребление ею не приведет ни к чему хорошему.

Мой бокал опустел раньше, чем я это осознала, но в горле по-прежнему было сухо, как в пустынях Заривии.

– Но почему вы считаете, что я не такая?

– Я так не считаю – я это знаю. Не в этих стенах будет сказано, но ты – дочь второго человека в стране. И будь ты одержима жаждой власти, нашла бы тысячу возможностей ее утолить.

– Но я училась совершенно другому. Едва ли вашей стране на троне нужен маг-теоретик. – Я заставила себя улыбнуться, все еще надеясь перевести разговор в шутку. – Из меня не выйдет хорошей королевы.

– Ты получила достойное аристократическое воспитание, этого вполне хватит. К тому же ты завтра выходишь замуж, разве нет? Конечно, я предпочла бы, чтобы ты выбрала одного из моих подданных, но при данном раскладе Ирвин Аратэр весьма хороший вариант.

Сдержанность нервный смешок получилось с большим трудом. Кажется, ее величество и вправду серьезно раздумывала на эту тему, раз готова предложить трон не одной чужестранке, а сразу двум. Вот только нужен ли он им, то есть нам?

– Ваше... лайдис Аюми, при всем моем большом уважении к традициям Шинтая – лайд Ирвин никогда не согласится быть консортом. Это не тот мужчина, которого устроит вторая роль.

– Разве сейчас он не играет те же вторые роли? – не согласилась Аюми.

– В государстве? Быть может. Но это по праву рождения, а не его собственный выбор. Должность, которую лайд занимает, как раз исключительно его решение. Пожелай Ирвин другую – любое из кресел будет его.

– Значит, ты отказываешься? – сделала верный вывод королева, и меня порадовало, что особого разочарования или тем паче обиды в ее голосе не было.

– Простите, ваше величество. Я не ярая патриотка своей страны, но люблю ее. И куда больше пользы принесу именно на своем месте, а не заняв чужое.

– Что ж, я не ждала другого ответа, но рассчитывала на него. Надеюсь, ты не пожалеешь о принятом решении, – отрезая путь назад и давая понять, что больше подобного предложения не последует, подытожила она. – И будешь счастлива.

– Я тоже на это надеюсь, – совершенно искренне откликнулась я.

В дальнейшем разговоре, пожалуй, не было смысла, но уйти сейчас без причины казалось мне невежливым. Поэтому решила воспользоваться ситуацией и задать волнующий вопрос:

– Лайдис Аюми, могу ли я спросить, почему вы подарили нейтрализатор мне? Это ведь не просто дорогая – почти бесценная вещь...

– Эта вещь всегда находилась в руках у старшего по крови. Прошлым владельцем был мой брат, но он погиб, а это значит, артефакт должен быть передан следующему поколению. А Калли не любит, когда его заветы не выполняются должным образом.

Что ж, если королева упомянула Калли, то действительно не о чем было беспокоиться. Бог случая, весьма почитаемый в Шинтае, был крайне нетерпим к упоминанию своего имени в пустом разговоре или при попытке ввести кого-то в заблуждение. Раз нейтрализатор принадлежал мне по праву, то никаких неприятностей от обладания им ожидать не стоит.

– К тому же ни Ируми, ни Кито не предрасположены к теоретической магии, так что тебе он принесет куда больше пользы. – Она хотела добавить что-то еще, но послышался все тот же странно-ритмичный стук в дверь.

– Лайдис Венейна Дебиоль просила передать лайди Илгерте, что будет ожидать ее в своих покоях, чтобы помочь добраться домой, – знакомый уже юноша отчитался скорее перед королевой, хотя сообщение и предназначалось мне.

– Верно, тебе пора, – согласилась Аюми, поднимаясь из-за стола. – Завтра важный день.

– Благодарю за приглашение, ваше величество. Наша беседа была... познавательной.

Королева улыбнулась такому определению и на прощание пожала мою ладонь.

– Я рада, что обстоятельства не стали преградой к нашему общению. Светлых снов, Гера.

– Светлых снов, ваше величество.

Стоило двери, ведущей в коридор, захлопнуться за спиной гостя, открылась другая – за которой скрывалась спальня. И принцесса Ируми, едва дождавшаяся возможности высказаться, нервно поинтересовалась у матери:

– И что это было?

– Что ты имеешь в виду? – Королева даже не повернулась, возвращаясь к дивану, на котором ждала старшую дочь.

– С каких пор ты настолько недовольна мной в качестве наследницы, что предлагаешь корону первой попавшейся чужачке?

– Она твоя сестра, так что придержи язык. А на твой вопрос, полагаю, сумеет ответить... Кито? – Вопросительный тон относился к шагнувшему в гостиную юноше.

– Это была проверка. – Принц, напротив, был спокоен и хладнокровен. – Верно, мама?

– Верно, – подтвердила ее величество, жестом предлагая детям присесть.

– Проверка? Зачем? А вдруг бы она согласилась? – Ируми недовольно послушалась.

Аюми пожала плечом, вновь давая возможность высказаться сыну.

– Значит, пришлось бы предпринимать определенные меры. Стране не нужны проблемы в виде потенциальной претендентки на трон.

– Но я оказалась права – девочке не нужна власть. У нее другие приоритеты.

– Вдруг она лжет?

– Не лжет. И заметь, ей даже не понадобилось спрашивать у младшего Аратэра, чтобы понять – он не согласится быть консортом.

– Они друг друга стоят – оба эмоциональны, как рыбы. – Все еще не простившая племяннику короля нежелания жениться на ней Ируми непримиримо скрестила руки на груди. – Хороша была бы подобная королевская чета.

– Ты не права, – по-прежнему не глядя на дочь, не согласилась Аюми. – И Илгерта не права. Из нее бы действительно получилась хорошая королева. Правительница, может, и не очень, но королева...

– А разве есть разница?

Ее величество многозначительно улыбнулась, отдавая ответ на откуп фантазии своих детей.

Утро перед свадьбой – это всегда суматоха, шум и нервы. А когда в комнате невесты собрались еще десять женщин, это все то же самое, но помноженное на десять.

Разбудили меня голоса сестер, которые о чем-то неразборчиво перешептывались, время от времени раздражаясь с трудом сдерживаемым смехом. Что самое любопытное, лучше всего слышно было вовсе не кого-то из младших, а Диатриссу – степенную лайдис и мать троих детей.

– Сюда сыпь, – прислушавшись, разобрала я. – Да нет же! Сюда, там уже соль!

Боги, что они задумали?! Я резко села на кровати, распахнув глаза и совершенно забыв, что мечтала понежиться еще хотя бы несколько минут. Неизвестные планы любимых родственниц, которые на самом деле могли включать в себя что угодно, как ничто другое мотивировали к быстрому пробуждению.

Ну вот, что и требовалось доказать. Все сестренки, включая Мадлен и Амели, окружили небольшой столик, стоящий прежде у стены, и теперь что-то на нем колдовали. Не удивлюсь даже, если в прямом, а не в переносном смысле.

– И что это вы делаете? – слегка хрипло со сна поинтересовалась я, усаживаясь поудобнее.

– Гера? – Трисс обернулась, ненавязчиво прикрывая роскошными формами происходящее на столе, а остальные бросились накрывать его салфеткой, сдернутой со спинки кресла. – Ой, Гера проснулась...

– Гера проснулась, – согласилась я, скрещая руки на груди. Растрепанная, заспанная и в ночной рубашке, едва ли я выглядела угрожающе, но попытаться стоило: – Вы что здесь делаете?

Сестры отошли от стола, позволяя мне увидеть все самой. Надо сказать, кружевная салфетка больше открывала, чем скрывала, так что понять, что они задумали, большого труда не составило. Трисс поймала мой взгляд и вновь сдвинулась чуть в сторону, но несколько запоздала.

– Нет, – я пару раз качнула головой на случай, если слов кто-то не расслышал, – нет, нет и еще раз нет. Это глупо!

– Это традиция! – попыталась возразить Дениза.

– Что-то я не припомню, чтобы три года назад на твоей свадьбе были такие традиции.

– Потому что ты же и была против, – вмешалась Гвен. Ну вот, кажется, все были против меня.

– Милая, ну неужели тебе сложно? – Нейни подошла ко мне и присела на край кровати. – Несложно. А нам приятно будет. И к тому же неужели тебе самой вот ни капельки не интересно?

Что ж, интересно мне было. Другой вопрос – верила ли я во все эти приметы? Никогда не считала себя суеверной, но если рассматривать это в качестве развлечения...

– Хорошо, – сдаваясь, закатила глаза я. Девочки захлопали в ладоши, словно услышали что-то потрясающее.

– Тогда иди умывайся, а мы как раз все закончим...

Я откинула одеяло, поправляя подол ночной рубашки, и спустилась с кровати.

– Хааш! – Ругательство вырвалось раньше, чем я успела это понять – ноги угодили

прямоком в широкий плоский таз с ледяной водой. – Да какого хиса, а?!

Гвен попыталась прикрыть уши Адели, но было поздно – все, что я хотела сказать, уже было озвучено.

– Гера... – Она укоризненно покачала головой, высказывая тем самым свое отношение к моему словарному запасу, но смутиться не заставила. Как лайди, я таких слов, может, и не должна была знать, а вот как бывшая студентка академии, прожившая пять лет в общежитии, мимо изучения подобной лексики пройти никак не смогла.

– Кто сюда поставил этот архайнов таз?!

– Так ножки обмыть... – промямлила неуверенно Трисс, вздрогнувшая от моего громкого голоса. – Чтобы все проблемы смылись.

Я рыкнула недовольно, но комментировать не стала – довольно уже вылетевших слов. И прошествовала в ванну, оставляя мокрые следы на темном полотне ковра.

Несколько минут наедине с собой слегка примирили меня с происходящим. В конце концов, ничего плохого сестры действительно не хотели. Скорее, наоборот, старались подбодрить и развеселить меня. Тем более что пятерым из них уже пришлось пройти через подобное. И сомневаюсь, что той же Гвендолин, например, с ее огненным темпераментом было проще смириться с необходимостью позволить нацепить на себя узы нежеланного брака. Да и разбудили они меня отнюдь не из вредности, а исключительно по необходимости. А уж помня, что в деревнях свадьбы и вовсе начинали играть на рассвете... В такой ситуации можно только порадоваться своему положению.

Так что из ванной я, накинув легкий халат, выходила успокоившаяся и довольная, насколько это вообще было возможно, жизнью.

– Ну что, давайте свои тради-и-и-ции, – последнее слово намеренно протянула издевательски, но заострять на этом внимание никто и не подумал.

Нейни подошла ко мне со спины, завязывая глаза плотной широкой лентой, не оставлявшей и малейшей возможности подглядеть. А затем подхватила под руку, подводя, очевидно, к столу.

На самом деле такому роду гадания были десятки, если не сотни лет. И откуда оно вообще пошло, едва ли кто-то мог сказать достоверно. Как и то, насколько правдоподобными можно считать его результаты. Но простота исполнения и чрезвычайная вариативность до сих пор сохраняли его популярным как среди простых людей, так и среди аристократии.

Всего-то и надо было предложить невесте выбрать один из бокалов и выпить его содержимое, которым, в зависимости от фантазий помощниц, могло оказаться что угодно. Таким образом определяли, каким будет брак, а рамки трактовки никем строго не устанавливались. Так, шатэ, например, сулило молодой жене быть опьяненной любовью, холодная вода – столь же холодное отношение к ней супруга, а обнаруженная на дне монетка обещала безбедную жизнь.

– Выбирай, невеста, в срок сто путей и сто дорог. Лишь одна из них твоя, не теряй же время зря. Пусть тебе расскажет вкус, ждет ли радость или грусть. Выбирай, не торопись, что тебе готовит жизнь. – Стихотворное напутствие было нескладным, но сестер это, судя по довольному хору голосов, беспокоило мало. Они просто радовались моей предстоящей свадьбе и вещам, ей сопутствующим, куда больше, чем я сама.

Ладонь заскользила над стройными рядами бокалов, не скрытых уже кружевом салфетки. Дотрагиваться было нельзя, но я надеялась, что хоть какое-то из чувств поможет

сделать мне выбор. Хотя бы интуиция, если другие не подскажут. Секунда, пять, десять... И вот покалывание в пальцах заставило меня опустить руку, обхватывая хрустальный сосуд и поднося его к губам. Вокруг, кажется, перестали дышать.

Это оказался глинтвейн. Горячее – всего на пару градусов больше, и им можно было бы обжечься – шатэ с добавлением цитрусовых, ванили, да еще и сладкое до умопомрачения. Впрочем, сладости я любила всегда и во всех проявлениях, так что в обиде точно не осталась.

Допив содержимое бокала – его оказалось не так много, так что сильно опьянеть мне не грозило, – стянула с глаз ленту и развернулась к наблюдающим.

– Ну и как вы это трактовать будете?

Старшие переглянулись. Трисс пожала плечами, Беренис прищурилась на мгновение, а потом кивнула. Нейни подошла ближе, забирая бокал. Покрутила в руках, отставила на стол.

– Ты ведь сама знаешь.

Разумеется, я знала. Точнее, догадывалась, чтобы интерпретировать подобное, не нужно обладать большим умом.

– Страстные, горячие и сладкие отношения в браке по расчету? – Я приподняла брови. – И кто в это верит? Лиза, опусти руку, подумаешь еще раз, когда моего жениха увидишь.

– Я его уже видела, – и не подумала изменить мнения сестра. – И повторюсь – ты зря нос воротишь. Потрясающий мужчина.

– Где ты его видела? – Последнее время Лизандра проводила в школе, да еще и не в столице, так что сомневаюсь, будто младший Аратэр решил посетить их учебное заведение.

– Он был часа полтора назад. Привез... кое-что... – неопределенно выдала Венейна.

– Кое-что?

– Ага.

– Нейни, какое еще «ага»? – Я даже глаза округлила. Как-то не замечала за сестрой такой скрытности. – Что принес?

– Мм... подарок?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Гера, отстань от сестры, – подхватила меня под руку пришедшая ей на помощь Трисс. – Скоро сама все узнаешь. Давайте завтракать и пора начинать собираться. А то к алтарю пойдешь в халате и босая.

Хорошей идеей было бы туда вообще не идти, но озвучивать ее я не стала. К чему зря сотрясать воздух?

Для завтрака пришлось переодеться в домашнее платье и спуститься в столовую, моя гостиная при всем желании не смогла бы вместить такое количество людей. Тем более что папа обещал к нам присоединиться, раз уж впервые за последние годы выдалась возможность посидеть вот так, по-домашнему.

Когда замуж выходила Нейни, мне было десять, а младшей на тот момент Рейлин – год. Мади и Амели и вовсе родились позже. Со временем род все расширялся, когда сестры обзаводились мужьями и детьми, так что семейные праздники и торжества теперь больше походили на приемы. А учитывая титулы и должности их супругов, так уж точно.

И теперь, сидя за длинным столом, окруженная родными и любимыми людьми, я чувствовала, как спокойно становится на душе. Потому что сколь бы далеко мы ни

находились и сколько времени ни общались по разным обстоятельствам, в любой ситуации мне было к кому обратиться за помощью и советом.

Расстраивало лишь одно – самочувствие лайдин Силеты ухудшилось. Она даже завтрак приказала подать в комнату, хотя и высказала через служанку обещание передать меня жениху, если я все еще этого хочу.

Разумеется, я хотела. Собственно, это и было той причиной, по которой мое свадебное платье до сих пор не видел никто, кроме мастерицы, что его шила. Существовала еще одна традиция, в которую я тоже не то чтобы верила, скорее, хотела верить, зная, как много это будет значить для зайни. Первой невесту в полном наряде должна была увидеть именно мама, она же провожала ее к жениху, словно отдавая из рук в руки и получая от него в подарок ту самую куколку, символизирующую невесту. И то, что теперь я знала, благодаря кому появилась на свет, вовсе не отменяло того факта, что на этом месте я видела лишь одного человека – зайни Силету. Свою единственную настоящую маму.

После завтрака сестры разбежались по своим комнатам собираться. Некоторые из них даже попытались обидеться на мой отказ присутствовать при сборах. Но я была непреклонна – помочь Азире могла и прибывшая из дворца мастерица, а лишний человек добавлял большей нервозности. Спасительный артефакт я все равно собиралась надеть, но несколько позже. Перед самым приездом жениха.

– Зря вы, лайди, – пыталась увещевать Азира, когда я расположилась перед зеркалом, переодевшись в тонкую камизу^[26] и халатик поверх нее. – Мастерице все же лучше знать, как из вас еще большую красавицу сделать, чем мне.

– Азира, ты занимаешься моими прическами и макияжем уже больше пяти лет, – и не думала соглашаться я. – И тебе лучше знать, как верно завить и подколоть волосы, чтобы и выглядело красиво, и продержалось до самой ночи. И внешность у меня, будем честны, для Дастара не самая типичная, поэтому нужный макияж ты быстрее подберешь. Так что принимайся за работу, а Сейла тебе поможет, если будет нужно.

Сама Сейла, приятная на вид женщина лет сорока, судя по всему, придерживалась того же мнения. А может, считала, что раз король в любом случае достойно вознаградит ее услуги, напрашиваться на лишнюю работу там, где разберутся и без нее, необходимости нет.

Азира ловко орудовала цилиндром для завивки, а я в который раз отметила мимоходом, насколько проще жилось с магией. В деревнях, говорят, девушки пропитывали волосы пивом и накручивали их на ночь на деревянные бочонки, закрепляющиеся лентами. Хороша была бы из меня невеста с амбре второсортной таверны. Боюсь, и без того не слишком расположенный ко мне жених такого не оценил бы. Как на подобном сооружении спать, и вовсе не хотелось думать. На ночь волосы я неизменно расплетала даже из слабой косы, иначе наутро могла быть наказана головной болью.

Спустя час количество шпилек на моей голове приблизилось едва ли не к сотне. Тщательно накрученные, уложенные в выверенном порядке пряди, прежде вымытые и покрытые специальным маслом для блеска и приятного запаха, создавали впечатление, что волос у меня вдвое больше обычного. Впрочем, выглядела конструкция легкой и ажурной – несмотря на сомнение, Азира свое дело знала прекрасно. Да и основным в прическе должна была стать не ее искусность, а украшение. Принцессой меня замужество не делало, так что малая королевская корона так и останется лежать в сокровищнице дворца. Но тиара с бриллиантами и сапфирами вполне способна была примирить с этим обстоятельством. Тем

более что весила она существенно меньше, что тоже играло немаловажную роль – снять это чудное произведение искусства раньше ночи едва ли удастся.

Макияж занял еще меньше времени. К счастью, сколь-нибудь заметных недостатков моя кожа не имела, так что и усилий, чтобы их скрыть, камеристке прилагать не пришлось. Но несколько акцентов, маленьких секретов, позволявших выглядеть свежее и ярче, чем на самом деле... Любая женщина имеет на это право.

А вот с плотным корсетом поверх камизы пришлось помучиться. Как всегда было сложно уловить ту необходимую грань, где фигура приобретает желаемые изгибы, но еще возможно нормально дышать.

– Может, ослабить? – Азира жалостливо заглянула через мое плечо, встречая взгляд в отражении зеркала. – Вам же еще на ужине сидеть...

– Вот именно, что сидеть. Невесте положено красиво выглядеть, а не кушать. Неси платье.

Извлеченная из чехла белоснежная ткань напомнила, почему я выбрала именно этот фасон. Когда я сказала отцу, что наряд сшит по шинтайской моде, не солгала и словом. Вот только по моде почти восьмидесятилетней давности.

Когда-то давно лайдин Силета была замужем. За мужчиной из Шинтая, что по тем временам считалось если и не поразительным, так уж точно редким. И на свадьбу он привез ей платье от одной из лучших мастериц. Когда зайни показала мне свой небольшой свадебный портрет, я отчетливо поняла, как должно выглядеть мое свадебное платье.

Конечно, по меркам современной моды Дастара, оно казалось слишком закрытым и целомудренным и состояло из двух частей. Первая – само платье с высоким воротом и длинными рукавами, прикрывающими запястья, обнимающее фигуру подобно перчатке сверху и расходящееся от пояса. И вторая, больше похожая на накидку, имитирующую края глубочайшего декольте, сколотая на талии инкрустированной мелкими бриллиантами булавкой. Она была кружевной, и еще более длинные – почти достигавшие колен – рукава казались сложенными крыльями диковинной стрекозы. Края рукавов, подол и ту часть нижнего платья на груди, что была открыта, мастерица расшила прозрачными камнями, оттененными узорами серебряной нити.

Так что когда Азира помогла одеться и вновь развернуться к зеркалу, все, что я могла, это зачарованно уставиться на собственное отражение. Макияж, прическа, аккуратные овалы сережек – все это было привычным и знакомым. Так я могла выглядеть, собираясь на любой бал или прием. Именно платье было той оправой, что позволяет даже не слишком верно ограниченному камню засиять во всей красе.

И может, кто-то назвал бы меня самовлюбленной, но в этот момент я нравилась себе просто до безумия.

– Девочка моя... – Голос, в котором буквально слышались слезы, раздался от дверей спальни, и я стремительно обернулась, встречаясь взглядом с лайдин Силетой. Так и есть – глаза ее блестели, но это не было слезами горя.

Порадовавшись, что не успела надеть туфли, я почти бегом бросилась к ней, обнимая настолько крепко, разве что не причинить боли.

– Зайни, вам нравится? – На самом деле трудно было достоверно предсказать ее реакцию.

– Не просто нравится. – Она отстранилась слегка, и морщинистая ладонь ласково скользнула по моей щеке. – Глядя на тебя, я вспоминаю один из самых счастливых моментов

моей жизни. Мы с Лином были вместе недолго, но мне хочется надеяться, что ты будешь так же любима и так же любить, как я когда-то.

– Я тоже надеюсь на это, зайни, – не став разочаровывать ее напоминанием, что этот брак по расчету, а не по любви. – Присаживайтесь, прошу вас. У нас еще есть немного времени.

– Пожалуй, ты права. – Она послушно последовала со мной к дивану со спинкой, видимо, стоять ей действительно было тяжело. И лишь присев, передала мне небольшую шкатулку, на которую я почти не обратила внимания. – Венейна попросила передать тебе подарок от жениха.

Значит, тем самым подарком было украшение? Так к чему же Нейни решила скрытничать? Разве это не нормально для жениха делать такие подарки? Задавая самой себе вопросы без ответа, я приняла довольно тяжелую коробочку и, уложив на подол платья, открыла ее.

– Ну, га-а-ад. – Я оказалась почти восхищена поступком Ирвина и не смогла удержаться от словесного выражения. – Прощу прощения, зайни.

Это был потрясающий ход с его стороны – вот без преувеличения. Тем более что, кроме нас двоих, едва ли кто-то сумеет понять истинную подоплеку этого подарка. На подложке лежали брачные браслеты – мужской и женский. Не слишком широкие, роскошные до умопомрачения и, судя по виду, довольно древние. Стало даже интересно, где жених умудрился их откопать.

Правда, гораздо интереснее, неужели у такого занятого человека, как лайд Аратэр, не нашлось других дел, кроме как припомнить собственной невесте мимолетом сказанную фразу?

– Королевские...

– Что? – Я не сразу поняла, что говорит зайни. А может, и расслышала не всю фразу, а только ее окончание.

– Если память мне не изменяет, то это те браслеты, которые его величество Инзор надевал в день своей свадьбы.

– Вы серьезно? – Теперь я взглянула на подарок совсем другими глазами.

– На том портрете королевской четы, что висит в главном городском музее, они выглядят именно так.

Что ж, это было весьма неожиданно. Одно дело – подшутить надо мной, прикупив по случаю парочку старинных с виду украшений, и совсем другое – преподнести то, что без разрешения самого короля едва ли получишь. Значит, его величество в курсе, и в таком случае рассматривать это нужно куда серьезнее? Что ж, лайд Аратэр, если вас отчего-то не устроили кольца, будут вам браслеты. Думаю, несколько лет в добровольно надетых оковах намекнут, что не стоит шутить со мной подобным образом.

В голове метался шквал различных мыслей, тогда как внешне я выглядела совершенно спокойной. Спрятанная под слоями иллюзии и ткани подвеска давала основания полагать, что самообладание останется со мной, что бы ни произошло.

Мы с зайни расположились немного левее лестницы, ожидая момента, когда придет черед спускаться вниз. Лайдин сидела на принесенном специально для нее стуле, а я ходила из угла в угол, не в силах просто стоять без дела.

Кортеж жениха прибыл несколько минут назад, и теперь сам Ирвин, его свита, а также

мои родные расположились в холле первого этажа, достаточном, чтобы вместить такое количество людей и других разумных. Мне уже было известно, что среди приятелей Ирвина были и представители других рас. Например, дроу и демон, с которыми он вместе учился в академии.

Гул голосов постепенно стих, и громкий, хорошо поставленный голос отца произнес:

– Лайди Илгерта Таури в сопровождении лайдин Силеты Илу.

Зайни, никогда не проявлявшая особого интереса к вопросам веры, быстро сделала перед моим лицом небольшой круг по часовой стрелке, являвшийся символом всех богов. Я растянула губы в легкой улыбке, и мы начали спускаться по лестнице.

Тихие перешептывания, едва успевшие начаться, вновь стихли, стоило нам предстать перед глазами присутствующих. Не слишком высокие каблуки давали устойчивую опору, но я все равно упрямо смотрела под ноги, боясь отнюдь не оступиться. Но ступени рано или поздно заканчиваются. И, сделав последний шаг на гладкий ковер холла, я распрямила плечи и подняла голову чуть выше.

Ирвин ожидаемо стоял в первых рядах. И встречаясь с ним взглядом, я почувствовала нечто, похожее на ликование. Наконец-таки жених смотрел на меня не как на нечто, навязанное ему, а как на женщину. Красивую в его понимании женщину, если судить по выражению лица, на время потерявшему привычную каменную маску.

– Ирвин? – Папа положил ладонь ему на плечо, выводя нас обоих из некоего состояния транса.

– Прощу прощения, лайд Навастир. Моя невеста стала еще краше, хотя я и сомневался, что это вообще возможно. – Он шагнул вперед и опустил на одно колено, целуя мою руку. Левую, потому что правой я по-прежнему держалась за зайни, да и к тому же в ней был едва не забытый, но вовремя поданный Азирой букет.

Раздалось сразу несколько восторженных женских вздохов, а Лиза, кажется, даже всхлипнула от чрезмерных эмоций. Я же впечатлена не была – поведение жениха расценить можно было скорее как позерство.

– Лайдин Силета, – поднявшийся Ирвин тем временем по традиции обратился к зайни, – я прошу вас передать дочь в мои руки. Обещаю беречь ее, заботиться, быть внимательным и верным мужем. И пусть присутствующие тени подтвердят правдивость моих намерений.

– Аннэ, – несколько мужских голосов хором произнесли «подтверждаю».

– Лайд Ирвин, – тетушка взяла мою ладонь и передала ее жениху, – я вверяю дочь в ваши руки. Пусть боги будут благосклонны к вашему браку.

– Лайд Ирвин, – вступила уже я, с трудом заставляя себя смотреть в его глаза, – добровольно и правдиво обещаю быть внимательной и верной женой, принимать заботу и возвращать ее стократно. И пусть присутствующие тени подтвердят искренность моих слов.

– Аннэ, – на этот раз откликнулись Клара, Лиза, Рейлин и несколько приятельниц по академии, которых я тоже попросила быть теньями на свадьбе. На эту роль приглашали только незамужних девушек.

Ирвин вновь поднес мою руку к губам, оставляя поцелуй почти на запястье, чуть ниже рукава. И протянул зайни поданную кем-то из его теней куколку. Не знаю, кем был искусный мастер, но в его произведении размером с пару ладоней я легко узнала себя. И копна волос, настоящих волос, делала это сходство черт лица еще более заметным.

Тетя приняла дар как величайшее сокровище и прижала его к груди. В глазах ее вновь стояли слезы.

В открытый экипаж, в котором нам с женихом предстояло передвигаться по городу, дабы все желающие могли утолить любопытство, были запряжены подаренные вампирами доминги. Конечно, это было скорее исключение – животных такого уровня использовали верховыми, а для упряжки подходили породы попроще.

Я не отказала себе в желании прикоснуться ладонью к светло-лиловой шерсти и лишь потом подошла к самому экипажу, позволяя Ирвину помочь мне забраться в него. К счастью, мое платье не предполагало нижних юбок, так что на мягкой скамье устроилась без проблем и с большим удобством. Жених скользнул следом, присаживаясь рядом, и демонстративно, на радость присутствующим, приобнял меня за талию.

Тени тоже начали рассаживаться – их экипажам, хоть и не настолько украшенным, как наш, предстояло стать свадебным кортежем. Остальные же гости уходили порталом к храму, чтобы встречать нас уже там.

Папа и зайни, стоящие неподалеку рука об руку, одновременно осенили нас знаком благословения, и доминги послушно двинулись вперед. Кажется, Ирвин уже успел поближе познакомиться со своим зверем и наладить с ним ментальную связь, иначе не объяснить, что их даже не пришлось понукать.

Желающих полюбоваться на королевского племянника с невестой оказалось больше, чем я ожидала. Казалось, люди были повсюду – толпились на улицах, выглядывали из окон домов, смотрели с крыш. И хотя большинство из них выглядели вполне безобидно, а некоторые и вовсе кидали под колеса экипажа цветы и разноцветные ленты, я никак не могла избавиться от ощущения, что должно произойти что-то нехорошее. Интуиция редко подводила меня, так к чему бы ей лгать именно сейчас?

Пришлось прикрыть глаза, отстраняясь от окружающей действительности и пытаюсь понять, что же меня беспокоит. Такое поведение не укрылось от глаз Ирвина, и он развернулся ко мне, не убирая с лица легкой улыбки, которой приветствовал окружающих:

– Что-то не так? Вы напряглись.

И что я должна была ответить? То, что папа доверял моему чутью, вовсе не означало, что Ирвин последует его примеру. А уж если все будет спокойно, он и вовсе может решить, что я пытаюсь привлечь внимание к своей персоне. Да и что, если разобраться, могло произойти? Покушение заговорщиков? Если предположить, что мой жених действительно их лидер или хотя бы просто один из них, то какой смысл покушаться на самого себя? Вопросов было больше, чем ответов. Поэтому спросила первое, что пришло в голову:

– У вас хороший щит?

– Вы спрашиваете у стихийника, хороший ли у него щит? – Ирвин удивленно приподнял брови. Кажется, простым любопытством здесь не отговоришься.

– У меня плохое предчувствие, – призналась я, стараясь не смотреть ему в глаза. Выражение недоверия или тем паче насмешки – последнее, чего хотелось бы увидеть.

Но Ирвин, кажется, отчего-то воспринял мои слова всерьез.

– Только предчувствие? Или вы что-то заметили?

– Только предчувствие. У меня нет дара предвидения, но некоторые вещи, касающиеся меня напрямую...

– Хорошо, я понял.

Ему даже не понадобилось сосредотачиваться – я кожей почувствовала пленку щита, в мгновение ока окутавшего нас обоих. А затем он поднял руку в странном жесте, словно

подавая кому-то знак. Я похолодела, не понимая, как на это реагировать, но склонившийся к уху жених, продолжая улыбаться и будто бы шепча что-то ласковое, пояснил:

– Маги сопровождают нас на всем пути к храму. Не беспокойтесь.

После его слов я немного расслабилась – не могут же все они быть предателями. Да и щит Ирвина внушал определенное спокойствие.

Храм богини судьбы Аддарии располагался в непосредственной близости от дворца, в самом центре города. Так что много времени наша дорога не заняла. Здесь людей было еще больше, а те, кто был приглашен, уже находились в самом храме.

Экипажи остановились у края площади, и мужчины стали помогать женщинам выйти. Ирвин же и вовсе обхватил меня за талию и покружил на радость зевакам, заставляя юбку и рукава платья развеяться. Я в ответ положила руки ему на плечи, улыбаясь так, будто уже открыла собственную мастерскую. Что-то подсказывало – невесту с ничего не выражающим или, тем хуже, недовольным лицом никто не оценит.

Ирвин наконец поставил меня на землю и предложил руку, готовясь идти к дверям храма. Тени выстроились попарно ровно позади нас. Девять пар. Хорошее число.

Пристанище Аддарии, облицованное светло-голубым камнем, возвышалось в центре площади как диковинный десерт на блюде. С башенками, ориентированными на четыре стороны света, с главным входом, обращенным на юг. И сейчас по обе стороны от входа, сдерживаемые выстроившейся в цепочку стражей, толпились жители и гости города. Конечно, большая часть была людьми, но мелькали среди них и эльфийские уши, и традиционные шапочки гномов, и вампирские сложные косы.

Перед дверями Ирвин на секунду отпустил мою руку, осеняя себя кругом, дождался, пока я сделаю то же самое, а затем сделал знак двум стражникам. Высокие, выкрашенные в ярко-синий цвет створки разошлись, пропуская нас в храм Судьбы.

И вновь две колонны разумных, обступившие синюю же ковровую дорожку, пролегающую к самому алтарю. Знакомые и нет, шикарно одетые или выбравшие традиционные храмовые накидки, дастарцы и чужаки. Я улыбалась приветливо всем сразу, выхватывая взглядом родных и близких: Мартина с неизменным блокнотом для набросков, Бертрана с молодой женой, Тиля, поддерживающего под руку еще больше округлившуюся супругу, замахавшую мне с привычным для нее энтузиазмом.

Ближе стояли сестры с мужьями и детьми. Племянников у меня уже был целый десяток – самому старшему, сыну Нейни, недавно исполнилось четырнадцать, дочери Денизы не было еще и года. А папа, поддерживающий тетушку, и его величество с сыном расположились впереди всех.

Ступая медленно и торжественно, мы приблизились к диа^[27] Аришьену – верховному жрецу Аддарии. Босой мужчина в голубой накидке, из-под которой выглядывали белые брюки и рубашка, темноволосый и совсем не старый всегда казался мне похожим скорее на воина в отставке, нежели на служителя храма. Даже интересно, что привело его в эти стены. Впрочем, глупый вопрос. Сюда его наверняка привела сама же судьба.

Диа жестом предложил нам подойти ближе и встать лицом друг к другу, положив ладони на алтарь, в роли которого выступал отполированный почти до блеска камень серого цвета. Боюсь даже представить, сколько времени и сил потребовалось, чтобы привести его к такому виду – рилл считался одним из самых твердых камней в мире.

Алтарь оказался холодным – гораздо холоднее воздуха в помещении и уж тем более

температуры тела. Я едва сдержала дрожь, прошедшую по телу. А может, она и не от холода вовсе? Скорее бы все закончилось.

Жрец, словно подслушав мои мысли, расположил руки над алтарем ладонями вниз, но не касаясь его, и негромко начал:

– Светлого дня, гости пристанища сего...

Речь его звучала на дастаране – языке, который использовался в нашей стране до того, как в обиход вошел самари. Было это более двух веков назад, и сейчас услышать его можно было разве что на церемониях и службах в храмах да в старых заклинаниях. И в учебных заведениях изучался он постольку-постольку, в весьма ограниченном объеме.

Так что понимала жреца я сейчас только частично. Но и этой части хватало, чтобы осознать смысл слов. Диа Аришьен говорил о любви, верности и преданности, о важности тех обещаний, которые мы собирались сегодня дать друг другу, о кружевах Аддарии, в которые сплетаются чужие судьбы, но в которых каждому даровано право выбора.

В какой-то момент, вслушиваясь в плавное журчание дастарана, я как будто погрузилась в подобие транса, не чувствуя уже холода. А может, камень просто нагрелся от тепла рук. Стало странно спокойно, вся суэта и все волнение остались где-то там, за дверями храма. Говорят, невесты нервничают на свадьбе? Что ж, может быть. Я же была собрана и как никогда уверена в том, что делаю.

Жрец закончил положенную речь и замолчал на мгновение, готовясь перейти к самому бракосочетанию. Справа, из-за спины Ирвина приблизилась его тень, чтобы вручить диа шкатулку с кольцами. И я спиной почувствовала, как синхронно шагнула Клара, которой я загодя передала через Азиру браслеты и указания, что она должна сделать.

Ирвин раньше других сориентировался и стремительно перевел взгляд на меня. Губы начали сами разъезжаться в улыбке. Что, лайд, этого вы не ожидали? Что же теперь станете делать? Не хотелось устраивать фарс на собственной свадьбе, но не я это начала, верно?

Жених чуть качнул головой, выражая отношение к моему поступку, и повернулся к жрецу, кивком давая ему понять, что тот понял все верно.

Кажется, диа тоже с трудом сдержал улыбку. А может, все дело в освещении. А затем забрал обе шкатулки из рук теней. В небольшую, едва заметную выемку в центре алтаря между нашими распростертыми по поверхности камня ладонями скользнули сначала кольца, а затем и браслеты. Коробочки вернулись к теням, после чего те отступили на свои места.

– Илгерта Навастири Таури, – я едва не вздрогнула, услышав прозвучавшее имя, – перед лицом богов и разумных подтверждаешь ли ты желание вступить в брак с этим мужчиной?

– Подтверждаю, – подавив нервное желание переспросить, с каким конкретно «этим», твердо произнесла я.

– Обещаешь ли чтить заветы богов и предков, быть достойной женой мужа своего и относиться к нему, как к себе?

– Обещаю.

– Ирвин Тэймари Аратэр, – обращаясь уже к жениху, продолжил диа, – перед лицом богов и разумных подтверждаешь ли ты желание вступить в брак с этой женщиной?

– Подтверждаю, – не сомневаясь ни секунды, откликнулся тот.

– Обещаешь ли чтить заветы богов и предков, быть достойным мужем жены своей и относиться к ней, как к себе?

– Обещаю.

– По праву, дарованному мне Аддарией, одной из девяти, я объявляю тебя, Ирвин Аратэр, и тебя, Илгерта Аратэр, мужем и женой. Обменяйтесь браслетами... и кольцами, дабы отныне они напоминали вам о важности принятого в этот день решения.

Ирвин первым подхватил с алтаря меньшее из колец и надел на безымянный палец послушно протянутой мной левой руки. А затем защелкнул на запястье прямо поверх рукава платья и браслет. И протянул собственную руку в ответ.

Надеюсь, никто не заострил внимания на том, как дрожали пальцы у невесты, пытавшейся с первого раза попасть альрамовым ободком на палец жениха. С браслетом справиться оказалось проще.

– Ирвин, можете поцеловать супругу, – уже не сдерживая улыбки, разрешил дия.

Вот и настал момент истины... Я на ватных ногах обошла алтарь и встала перед новоиспеченным мужем. Ирвин положил правую руку мне на талию, притягивая ближе к себе, а левой осторожно обхватил шею. Приближающееся лицо мужа заставило закрыть глаза, ожидая прикосновения губ и заставляя себя смириться с неизбежным.

И оно последовало. То, что у меня до сих пор не было серьезных отношений, вовсе не означало, что я никогда ни с кем не целовалась. Но я бы покривила душой, если сказала, что кто-то из этих парней мог сравниться с Ирвином. Целовался он, не в храме будет сказано, божественно. Какое там смириться! Спустя пару секунд я уже совершенно забыла об этом намерении, а заодно и о том, что еще недавно считала этого мужчину от мороженным надутым индюком. А после того, как его язык скользнул по моим губам, вынуждая их раскрыться...

Когда Ирвин оторвался от меня, напоследок еще раз, почти невесомо, поцеловав, реальность с трудом возвратилась в привычное русло. Мысль о том, что я только что целовалась с мужчиной на глазах целой уймы народа, мелькала, но где-то на самом краю сознания. А пальцы правой руки крепко переплелись с пальцами мужа.

Его величество первым подошел к нам с Ирвином, опережая остальных. Впрочем, не сделай он этого, едва ли кто-то рискнул бы опередить самого короля.

Я сделала попытку присесть в реверансе – до этого момента не было возможности поприветствовать его, но муж удержал меня. А затем и сам король подтвердил правильность такого решения, жестом попросив мою руку и склонившись в поцелуе равного – равной, одним этим уже показывая, что признал меня таковой. А затем подтвердил это, произнеся:

– Добро пожаловать в семью.

– Благодарю вас, ваше величество. – На этот раз я отпустила руку Ирвина и все-таки присела в легком реверансе, придерживая кончиками пальцев кружевную накидку платья.

– Лайд Инзор, – с улыбкой поправил меня он.

– Лайд Инзор, – послушно повторила я.

– Присоединяюсь к словам отца. – Место короля занял принц, повторяя его маневр. И серые глаза, блеснувшие из-под темных бровей, кого-то мне напомнили. Но ощущение было столь мимолетным, что уловить его я не успела. – Добро пожаловать в семью, сестренка.

Ирвин вздрогнул. Может, незаметно для других, но вполне ощутимо для меня, так как стоял почти вплотную. И переводя взгляд на него, чтобы понять, что произошло, я уловила выражение лица отца. Папу вообще было сложно прочитать, поэтому я не могла быть

уверена, но что-то подсказывало – он недоволен тем, как Истар назвал меня. Но почему? Что плохого в том, что кузен мужа отнесся ко мне благосклонно? Это не было чем-то большим, чем внимание к родственнице, определенно принц не был заинтересован во мне, как в женщине.

Обдумать эту мысль мне не дали – тетя, в который раз за день не скрывающая слез, на время забыв о строгих рамках аристократического воспитания, порывисто обняла сначала меня, а затем и Ирвина.

– Зайни, – умоляюще произнесла я. В горле запершило, несмотря на то, что мои чувства были притуплены.

– Прости, девочка моя, – утирая глаза кружевным платочком, произнесла она. – Я так за вас рада.

– Спасибо, лайдин Силета. – Обвивая мою талию рукой, Ирвин коснулся второй ее плеча. – Я постараюсь сделать все, чтобы Илгерта была счастлива со мной.

Не могу сказать, будто я тут же поверила его словам, но звучали они очень убедительно, стоило сказать спасибо хотя бы за это – мне не хотелось, чтобы тетя беспокоилась о нашем семейном благополучии. Надеяться на это самое благополучие было бы весьма наивно.

Папа, как обычно, оказался немногословен. Поцеловал меня в лоб, прошептал: «Я горжусь тобой», и развернулся к Ирвину. Мне всегда было сложно уловить смысл вот таких мужских жестов, и сейчас, когда отец положил руку на плечо мужа, а взгляды их скрестились, я не была уверена в том, что это должно было значить. Хотя, вполне возможно, между ними шел молчаливый разговор, знать о сути которого остальным было необязательно. Наконец Ирвин кивнул, подтверждая мою теорию. И лишь после этого король с принцем, а вслед за ними и папа с тетей отошли в сторону, позволяя поздравить нас остальным.

И я вдруг испытала весьма острое желание попросить политического убежища у кого-нибудь из присутствующих правителей. Потому что мои милые, любимые, нежные и воспитанные сестренки умудрились в считанные секунды забить мою голову целой кучей полезной и не очень информации. Признания в том, как они меня ценят и любят, как рады за нас с Ирвином, лились рекой. Пожелания отчего-то неизменно скатывались в область продолжения рода. А советы, неизменно произносимые на ухо, в основном делились на не очень приличные и на очень неприличные. А уж то, что порекомендовала Лизандра, из ее уст я вовсе предпочла бы не слышать и дальше оставаться уверенной, что девятнадцатилетняя сестра в данной области знаний не просвещена. Лишь младшенькие вели себя подобающе. И я вновь почувствовала першение в горле при мысли, что теперь видеться с девочками получится гораздо реже. Особенно когда Мади, поцеловав собственную ладошку, прикоснулась ею к моей щеке.

– Люблю тебя, – повторяя ее жест, произнесла я. Губы Мадлен отдельно и не очень уверенно проартикулировали то же самое.

– Не могла подождать, пока сыночек соизволит появиться на свет, – закончив с поздравлениями, попеняла мне подошедшая в сопровождении супруга Налиада. Бежевое платье еще больше усиливало ее сходство со сдобной булочкой.

– Не могла, – сдержав попытку показать ей язык, что было бы ну совершенно не к месту, произнесла я. – И ты это знаешь.

– Знаю, – тут же вздохнула Нала, – но от этого не легче. Когда уже... – Договорить она не успела, ойкнув и обхватив ладонями живот.

– Что, сейчас?! – Кажется, в голосе Тиля слышался почти священный ужас.

– Не рожая я, успокойся, – мимолетом погладив мужа по щеке, отмахнулась подруга. – Но мне очень-очень надо вас покинуть... – И, не теряя времени, двинулась по направлению к юной послушнице храма, стоящей у стены.

– Где список? – оглядевшись по сторонам и удостоверившись, что нас никто не подслушивает, а вниманием новоиспеченного мужа полностью завладел князь Ренард, почти прошипела я на ухо Тиллю.

– С собой, – так же тихо откликнулся он. – Но тебе его все равно некуда спрятать, так что...

– Почему раньше не принес?

– Куда? Во дворец? Не нервничай, пришлю тебе его в арл от имени Налы. Не думаю, что твой муж возьмется читать личную корреспонденцию. – И уже громче: – Лайд Ирвин, мое почтение.

– Господин Тилистер. – Как-то быстро освободившийся от вампира муж подошел настолько тихо, что если бы не Тиль, архайна с два я бы его услышала. – Я рад, что у моей супруги столь преданные и внимательные друзья.

Было в его словах что-то такое... Намек или предупреждение, я не поняла точно. Но Тилистер, очевидно, понял. И, ни капли не смущаясь, подтвердил:

– Я тоже этому рад, ваша светлость.

– Нам пора во дворец? – прервав не успевшую толком начаться пикировку взглядами, я перевела внимание Ирвина на себя.

– Да, нас уже ждут. – И, не прощаясь с Тилем, с которым непременно мы увидимся позже, повел меня из храма.

Дорога до дворца не занимала много времени, но ее тоже положено было преодолеть по городу без использования портала. Я вновь позволила Ирвину помочь мне расположиться в экипаже и даже развернулась немного, чтобы ему было удобнее обнимать меня. Что ж, с этим нужно смириться как можно скорее – теперь это стало его правом и... его обязанностью. Разумеется, близкие мне и Ирвину люди были в курсе истинной подоплеки этого брака, а для остальных придется играть положенные роли.

Вот только выйдет ли? Из меня получилась бы плохая актриса, это точно. Я не любила, да и не умела толком лгать, что в данном случае было существенным минусом. Но неужели не сумею создать хотя бы видимость привязанности и теплых чувств к мужу?

Достаточно чуть повернуть голову влево, чтобы увидеть его профиль. Украдкой, чтобы сам Ирвин, увлеченный дорогой, как будто в этом был какой-то смысл, этого не заметил. И признать, что других я могу сколь угодно долго убеждать в том, что считаю Аратэра не более чем надутым индюком, но вот как убедить в этом себя?

После поцелуя в храме... Нет, я вовсе не влюбилась и не пала жертвой его чар, потому что и чар-то никаких не было. А вот убедиться в том, что не так Ирвин холоден, каковым хочет казаться, сумела вполне. И у него будет шанс доказать, что я не ошиблась, уже сегодняшним вечером. В нашу первую брачную ночь.

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам, и подняла руку, чтобы коснуться кожи. Но вместо этого, слушаясь резанувшего, словно ножом, предчувствия, почти выкрикнула:

– Щит!

И где-то на краю сознания отметила, как взметнулась вокруг нас упругая пленка.

Доминги встали как вкопанные, экипаж тряхнуло. А затем в нас с шипением и треском полетела огненная воронка.

– Хааш! – вырвалось у меня, когда защита погасила огонь, оставивший после себя лишь черное пятно копоти.

– Имлиты умалишенные! – сквозь зубы в унисон процедил муж. Он что-то менял в щите, готовясь отразить вторую воронку, возникающую меж ладоней одного из пяти мужчин, перегородивших нам дорогу. – Тебе надо уходить.

– Что?! – Я так опешила, что даже пропустила мимо ушей его резкий переход на «ты».

– Что слышала! – Ирвин резко обрисовал правой рукой рамку портала. До этого момента я даже и не подозревала, что он это умеет. – Ну!

– Не понукай, я тебе не лошадь! – Я и не подумала воспользоваться предложенным вариантом. Не потому, что не боялась за свою жизнь или считала себя бессмертной. Хотя первое нельзя сбрасывать со счетов – страшно мне не было точно. Но позади, в следующем за нами экипаже сидели мои сестры. И их я не собиралась бросать в любом случае.

– Живо! – теперь он почти рыкнул, недовольный моим непослушанием. А затем, осознав, что и это впечатления не оказало, сделал совершеннейшую подлость – просто толкнул меня в портал, почти спиной назад.

Но перед этим я успела увидеть плетущих какие-то заклинания магов, очевидно, тех, что сопровождали кортеж. И как очередная огненная воронка, вместо того чтобы погаснуть, соскальзывает по нашему щиту и рикошетом отлетает в остановившийся позади чуть слева экипаж.

Не знаю, было ли это случайностью или задумкой Ирвина, но упала я прямо на широкую кровать, стоящую в чьих-то покоях. Мужских, если судить по цветовой гамме. Наверняка это была его комната, потому как весьма сомнительно, чтобы Ирвин захотел забросить свою жену в чужую спальню.

Справившись с мимолетным головокружением от резкой смены пространства и плоскостей, я вскочила с кровати и бросилась к дверям. К счастью, никаких охранок, кроме нити заклинания, извещающего хозяина о посетителях, изнутри не было, так что достаточно просто было повернуть пару ручек, чтобы выйти сначала в следующую комнату, а затем и в коридор.

Эта часть дворца оказалась мне знакома – именно здесь находились покои отца. Сориентироваться и понять, как найти лестницу, оказалось довольно просто. Очевидно, что присутствующие в храме уже воспользовались порталами и теперь должны были ждать нас в зале. Так что если я хотела предупредить о нападении папу и короля, то следовало поспешить именно туда.

– Лайдис Илгерта? – недоверчиво спросил, словно сам у себя, неожиданно шагнувший из соседнего коридора стражник, совершавший обход. Какой в этом был смысл днем, я не знала, но если муж Нейни считал по-другому, значит, все-таки имелся.

– Да, я, – не желая терять времени на объяснения, я несколько раз кивнула головой. – Его величество и отец?

– В главном бальном зале, – явно удивленный моим растрепанным видом (а я была уверена, что он именно такой) и вообще присутствием здесь, а не в свадебном кортеже, откликнулся мужчина.

– Веди.

Пожалуй, мне стоило бы гордиться собой. Стражник даже не подумал спорить, развернувшись вполоборота и зашагав в том же направлении, что и я минуту назад.

От бесконечного, казалось, числа ступеней едва не начала вновь кружиться голова. Пожалуй, стоило бы выразить благодарность руководству академии, которое не позволило убрать спортивные занятия с теоретических факультетов. Но сосредотачиваться на собственном самочувствии времени не было. Куда больше меня беспокоило, как обстоят дела у оставшихся там, на дороге. Конечно, прошло едва ли больше пяти минут, но и этого могло хватить с лихвой, когда речь шла о магической стычке. Да что там – иногда исход ситуации решали секунды.

Повезло, что стражник воспринял меня всерьез. Пока мы преодолевали лестничные пролеты, он успел связаться по эхо с коллегами, охраняющими зал, где должно было проходить торжество. И те, кого я искала, сами вышли нам навстречу.

– Гера, что происходит? – Тон у отца был строгий, и я уже знала, что ответа он ждет соответствующего – по существу.

– Нападение на кортеж. Пятеро мужчин, черная одежда без опознавательных знаков. Один точно огневик, выпустил в нас три огненные воронки. Ирвин отправил меня сюда порталом. – И, не выдержав, все-таки голос сорвался: – Папа, последняя срикочетила в девочек...

Он кивнул, словно заиндевав, и мимолетом коснулся моего плеча в жесте поддержки. А затем подозвал сопровождавшего меня стражника и отдал ему приказ найти мою горничную. Как будто она здесь была...

– Папа...

– Все будет в порядке, смотри. – Он развернул меня, позволяя увидеть, как король, стоящий вплотную с открытым порталом, наблюдает за скрывающимися в его рамке магами. А затем пришел черед и стражников. – Я сейчас уйду с ними, а ты дождись горничную и приведи себя в порядок. Гостям нет необходимости узнавать о произошедшем прямо сейчас. Хорошо?

– Хорошо, – осознавая, что спорить бесполезно, согласилась я. И через несколько секунд осталась в коридоре наедине с неизвестным мне юным магом, закрывшим портал за спиной его величества. Уж королю точно не требовалось ничье разрешение, чтобы отправиться напрямиком навстречу опасности.

К тому моменту, как хлопнула дверь покоев Ирвина – а именно туда, как я верно догадалась, отправил меня супруг, – вызванная горничной Сейла успела поправить прическу, освежить макияж и убрать появившиеся на платье складки. Так что выглядела я свежей и бодрой, хотя на самом деле была вымотана едва ли не до предела. Артефакт блокировал эмоции, но не спасал от мыслей. А лезли в голову, как назло, только негативные. К тому же сказывалось и магическое истощение, возникшее из-за использованного в одно мгновение резерва.

Поэтому, когда супруг первым шагнул в собственную гостиную, я с трудом удержалась от желания броситься к нему. Вместо этого лишь поднялась с дивана, на котором провела последние, самые тяжелые десять минут. В конце концов, пусть он лучше и дальше считает меня от замороженной, чем истеричкой.

Вслед за Ирвином проскользнули сестры в компании с остальными моими тенями,

а затем и тени мужа.

– Гера, ты как? – Рейлин первой бросилась ко мне, подавая пример Кларе и Лизе.

– Я как?! – Я схватила ее за руку. – Вы как? Я волновалась, вас так долго не было. И эта воронка, летящая в ваш экипаж...

– Лайд Седрик оказался просто мастером щитов, так что с ним мы были в безопасности, – чрезмерно восхищенным тоном успокоила меня Кларамей.

– Лайд Седрик?

– Седрик Самани к вашим услугам, лайдис. – Тот самый мужчина, первая тень Ирвина, что подавал кольца жрецу, приблизился.

– Витте-арл Самани, – словно уточняя, скорее всего, для заинтересованно стреляющей глазками сестры, произнес Ирвин. А затем обратился уже ко всем: – Сейчас я открою портал к воротам дворца, туда, где должны были остановиться экипажи. Откуда пойдём пешком, как и планировалось. Прошу.

Рамка портала распахнулась в воздухе, и тени молча и послушно заскользили сквозь нее. А меня Ирвин придержал за локоть, явно желая поговорить наедине.

– Не смейте больше спорить со мной в таких случаях, – холодно произнес он.

– Не смейте больше разговаривать со мной в таком тоне, – отозвалась я, и не думая отвести взгляда.

Муж помолчал несколько секунд, а затем хмыкнул и прошел через портал, прекращая нашу первую семейную ссору.

А зал сиял, как дебютантка, дорвавшаяся до семейных бриллиантов. Несмотря на то что сквозь высокие окна проникал дневной свет, все световые огни были зажжены и отражались то от расставленных на столах бокалов, то от драгоценностей гостей. Подчиненные Нейни потрудились на славу, этого не могла не отметить даже я. Сочетание тканей, цветов, мебели и прочего было столь тщательно выверенным, что присутствующие, похоже, оказались под большим впечатлением.

И всему этому великолепию приходилось соответствовать. Хотелось надеяться, что фальшь в моей улыбке заметят лишь близкие и хорошо знающие меня люди. В который раз за день пришлось чувствовать себя идущей по руслу реки, по обоим берегам которой стояли разумные. И хотя выглядели они по большей мере благожелательно, уютнее от этого не становилось. Отшельницей я не была, вовсе нет, но и получать удовольствие от нахождения в толпе тоже не умела. Это Нейни чувствовала себя здесь как рыба в воде. Я же, если следовать той же аналогии, скорее была уткой – нырять умела, но делать это предпочитала редко.

Наш путь по залу сопровождали игра лучших дастарских менестрелей, рукоплескания и иллюзорные лепестки цветов, падающие с потолка. И, пожалуй, будь это чья-то чужая свадьба, я непременно отметила бы, насколько это красиво.

К счастью, несмотря на то что для гостей был устроен праздничный фуршет, для нас с мужем и теней накрыли стол. На возвышении, не иначе для того, чтобы любой желающий мог наблюдать за каждым нашим жестом. Но в моем нынешнем состоянии я не была бы против присесть даже на стол, что уж говорить об удобном, по крайней мере на вид, декорированном лентами и тканью стуле.

– Прошу вас, моя лайди. – Явно играя на публику, улыбающийся Ирвин помог мне присесть и лишь затем расположился рядом сам.

– Вы так милы, словно мы еще не женаты, – слащаво улыбаясь в ответ, похлопала

глазами я, вспоминая азы флирта, которыми чаще всего предпочитала не пользоваться. Простое и искреннее дружеское общение импонировало мне куда больше.

– Ну что вы, мил я вне зависимости от семейного положения, – совершил ответный укол муж.

– Главное, чтобы направлена эта черта была исключительно на супругу, а не на тех лайди, что ранее были обделены вашим вниманием.

– Гера! – возмущенно прошипела сестра, которой помог устроиться за столом лайд Самани. – Откуда столько яда?

– Не беспокойтесь, лайди Кларамай, – не успела я и рта открыть, откликнулся Ирвин. – Думаю, со временем моя супруга сама убедится, что для ее ревности нет и малейших оснований.

– Уверена, что так и будет, – чувствуя предупредительно упершийся в меня локоть сестры, послушно согласилась я.

Свадьба шла своим чередом. Тосты и поздравительные речи перемежались с выступлениями именитых менестрелей и комедиантов, а затем сменялись вручением подарков. Я вынуждена была в очередной раз признать, что с размером помоста для даров Нейни угадала точно – за первый час заполнен он был почти полностью. Явно соревновавшиеся в причудливости упаковки подданные и гости Дастара, видимо, не задумывались, что складываться это все в итоге будет в одном месте.

Я меланхолично перемещала вилкой содержимое тарелки, сожалея о том, что не послушалась Азиру и не позволила ей расслабить корсет. Взбодрилась лишь тогда, когда объявили первый супружеский танец.

Что сказать? Танцевать я любила. Не буду утверждать, что делала это лучше всех или с небывалой грацией, но на достойном королевского дворца уровне, так уж точно. Тем более что ведущая роль все равно оставалась за мужчиной, так что многое зависело от способностей в этом деле Ирвина. И с реверансом принимая предложенную руку, я надеялась, что в танцах муж окажется не менее искусен, чем в словесных остротах.

Под скрипку, запевшую первые ноты медленной и тягучей мелодии пиарса^[28], мы вышли в центр зала, от которого спешно отхлынули гости. Я скрестила руки, укладывая одну на свое правое плечо, а вторую на правое плечо мужа. И на секунду прикрыла глаза, глубоко вздыхая и успевая отметить, как Ирвин тоже принимает начальную фигуру. Его правая рука устроилась на моей талии, а левая оказалась заведена назад и прижата к спине. Скрипка всхлипнула, замолчала на секунду, а затем вновь заиграла уже в сопровождении остальных инструментов.

Что ж, танцевал супруг хуже, чем целовался, но тоже очень неплохо. Так что первую минуту я просто наслаждалась затейливыми па и крепкими мужскими руками, ведущими меня. А потом, когда танец перешел в более спокойную стадию, вспомнила:

– Так кто это был? – Ирвин встретился со мной взглядом, в котором отражалось все непонимание вопроса. Пришлось уточнять: – Те люди, что напали на нас.

– Преступники, я полагаю.

– Да? Странно, я думала, это самые законопослушные подданные нашей страны решили так выразить свою любовь к вам.

– Вы всегда так язвительны?

– Что вы, это исключительно ваша прерогатива. Я просто выразила сомнение в том, что

стоит так скоропалительно вешать ярлыки на людей, которые всего лишь пытались сделать жаркое из племянника короля.

Ирвин улыбнулся. Кажется, вполне искренне.

– А почему вы считаете, что дело во мне? Быть может, это вы перешли дорогу не тем людям?

– Кому? Сомневаюсь, что тот однокурсник, которому я не подсказала на экзамене, был настолько этим обижен.

– Обманутые любовники? – предложил он вариант, едва не заставив меня сбиться с шага. Какие, к архайну лысому, любовники?!

– Почему же сразу обманутые? С ними я была исключительно правдива, даже не сомневайтесь.

Рука на моей талии сжалась сильнее, что ощущалось даже через плотный корсет. Ну и кто из нас ревнует?

– Не бойтесь, что я решу отомстить им?

– Не боюсь, – покачала я головой. Взгляд мужа приобрел значение «Вы во мне сомневаетесь?». – Сложно будет мстить тому, кого не существует. Но если у вас получится, расскажете?

– Несомненно, – вновь расслабился Ирвин.

– И все же, может, то, что я тоже находилась в экипаже, дает мне право на информацию?

– Добыванием информации в настоящее время занимаются мои сотрудники.

– Вы хотели сказать – выбиванием?

Ирвин многозначительно усмехнулся, подтверждая, что моя версия куда ближе к истине.

Едва закончился танец, и наша «светская» беседа соответственно, в поле зрения возник его величество. И пригласил меня на следующий танец, не давая супругу попытки возразить. Впрочем, с чего я решила, что он был бы против? Нисколько не расстроенный, Ирвин направился к Нейни. Что ж, этот вариант меня вполне устроил.

– Надеюсь, это маленькое недоразумение не испортило вашего настроения? – Моя надежда от молчания исчезла, едва возникнув.

Интересно, посчитал бы он случившееся недоразумением, если бы огненная воронка летела в него? Впрочем, наверное, посчитал. Для него такое едва ли было бы новинку.

– Разве что самую малость, – слукавила я, не желая лгать в открытую. В конце концов, мое настроение и без того было не самым радужным, так что испортить его еще сильнее и впрямь было бы сложно. – Но лайд Ирвин доказал, что с ним мне не о чем беспокоиться.

– Вы не ладите, – догадливо отметил король.

– Полагаю, со временем это изменится, – дипломатично откликнулась я, – и мы найдем общий язык или же придем к выводу, что проще сократить общение до необходимого минимума.

– У моего племянника не самый простой характер, Илгерта. Но если сумеешь найти к нему подход, он станет замечательным мужем. А в вашей способности сделать это не сомневаюсь ни я, ни ваш отец.

Мне бы их уверенность...

– Благодарю, лайд Инзор. Я постараюсь оправдать ваше доверие.

Следующим перехватил меня, как ни странно, Тиль. Уж не знаю, как ему это удалось.

Что-то подсказывало, что супруг такой рокировке рад не был, но ограничился тем, что пригласил разомлевшую Лизандру, и расположился неподалеку.

– Рассказывай, – наклонившись к моему уху, насколько это было приличным, велел друг.

– Что?

– Что с вами случилось по дороге?

– Уже в курсе? – Надо же, как быстро распространяется информация. – Пятеро, один из них огневик, про остальных ничего не знаю. Целью явно был наш экипаж. И я, как ты догадываешься, вряд ли в этом замешана.

– Это странно.

– Согласна. Зачем нападать на Ирвина, если он...

– А если нет?

– Тогда как объяснить?..

Со стороны разговор наверняка напоминал речь сумасшедших, но нам это было только на руку.

– Архайн его знает. И где теперь эти несчастные?

– Несчастливая – прямо перед тобой. А нападающие – в застенках вашего ведомства, полагаю. Ирвин сказал, что ими занимаются его сотрудники. Попытаешься узнать? Не думаю, что он будет делиться со мной протоколами допросов.

– Попытаюсь, но ты же знаешь, что это не моя сфера. К тому же твой муж явно имеет на меня зуб.

– Ревнует? – усмехнулась я.

– Когда я сказал тебе то же самое, ты принялась отрицать такую возможность.

– Тиль, я шучу. С чего бы ему ревновать?

– Какая же ты еще наивная...

– Это почему?!

– Да потому. Ты теперь – его. И без разницы, какие между вами взаимоотношения. Ни один мужчина не способен спустить посягательств на собственность.

– То есть он считает меня собственностью?

– Боги, ты меня слушаешь вообще?

– Слушаю. Ты сказал, что Ирвин...

Взгляд Тилистера заставил меня замолчать на полуслове.

– Гера, за что я всегда тебя ценил, так это за отсутствие глупых женских штук. Пожалуйста, не надумывай себе того, чего нет.

Я вздохнула, принимая правдивость его слов.

– Прости. Я на взводе со всей этой кутерьмой. Скорее бы этот день закончился.

– Так не терпится перейти к брачной ночи? – Теперь пришел мой черед сверлить его взглядом. – Молчу-молчу. Все, улыбайся, твой муж идет.

За следующие несколько часов я потанцевала, наверное, с бóльшим количеством малознакомых мужчин, чем за всю свою жизнь. И подавляющее большинство из них были сильными мира сего. Традиции – штука своеобразная, и мое мнение в данном случае играло последнюю роль, но то, что компания некоторых партнеров мне не слишком приятна, скрывать приходилось с трудом. Если в обществе князя вампиров я отчего-то чувствовала себя комфортно и спокойно вела с ним беззаботный светский разговор ни о чем, а от кронпринца эльроу осталась почти в восторге, то про калифа Арисмана такого сказать не

могла. Невысокий, почти на голову ниже меня полный мужчина, как назло выбравший одну из самых продолжительных композиций, обладал маслянистыми глазками и руками, которые хоть и не распускал, но ощущать их на талии было банально неприятно. К тому же он вдруг решил просветить меня относительно нравов калифата и истинного места женщины. Да с такой убежденностью в непоколебимой истинности своих слов, что даже вся моя успокоенная ныне натура взбунтовалась.

Когда танец закончился и подошедший Ирвин избавил меня от дальнейшего присутствия Арисмана, я была совсем недалеко от точки кипения. Что от взгляда мужа не укрылось.

– Калиф вас чем-то обидел? – ведя меня к столу, поинтересовался он.

– Конечно нет. Разве могло меня обидеть замечание, что омовение ног супруга – есть святая и первейшая обязанность каждой жены? – не сумев сдержать сарказма, негромко откликнулась я. – Надеюсь, вы справляетесь с этим самостоятельно?

– Естественно. – Ирвин быстро оглянулся по сторонам, а затем наклонился к моему уху и, ей-богу, тоном шкодливого подростка добавил: – У меня же нет такого живота, как у Арисмана.

Я поднесла ладонь к губам, скрывая улыбку. Надо же, от кого от кого, а от этого мужчины подобного замечания я точно не ожидала. Не вязалось это с тем образом, что я успела себе нарисовать. Впрочем, это не первая черта, которую стоило добавить в воображаемую картинку.

Я не могла не отметить, что Ирвин был ко мне внимателен. Не знаю, может, и вправду сказывалось беспокойство о чем-то своем (слово «собственность» так и мелькало в мыслях, тщательно отгоняемое), но теперь он выказывал куда больше расположения, чем прежде. С одной стороны, такое поведение рассчитано было скорее на окружающих, но с другой... Положение и стиль жизни отразились на том, что я не умела готовить или, например, шить – просто необходимости такой не было. А со шваброй и тряпкой подружилась лишь в общежитии академии. Но и беспомощной тоже не была. С детских лет никто не ходил за мной, чтобы напомнить о времени обеда или ужина или необходимости заниматься. Нас воспитывали самостоятельными, и такими в итоге мы стали. Так что забота мужа была хоть и непривычна, но определенно приятна. Тем более он как-то очень чутко улавливал моменты, когда мне нужна была передышка в танцах или разговорах с гостями, когда пересыхало в горле и требовался бокал шатэ. А еще, кажется, меня считали излишне худой. Потому что каждый раз, когда мы возвращались к столу и чистым тарелкам, которые своевременно меняли слуги, супруг наполнял мою заново. Причем почти не ошибаясь в моих предпочтениях.

– Я могу попросить об одолжении? – пользуясь тем, что мы были одни, спросила я.

Ирвин с готовностью отложил вилку и обратил на меня все свое внимание. Кажется, таким началом он был заинтригован.

– Вы не могли бы намекнуть лайду Самани, что его обязанности тени предусматривают не давать скучать другим гостям, а не своим коллегам.

Муж перевел взгляд в зал. С нашего места прекрасно было видно темноволосого лайда, ведущего в танце Клару. Не то чтобы я следила за сестрой, но это была далеко не первая композиция, которую они провели вместе.

– Вам неприятен сам факт такого поведения на нашей, – выделил он голосом, – свадьбе или же речь о кандидатуре Седрика?

– Я не сомневаюсь, что лайд Седрик, без сомнения, весьма положительный мужчина, –

уклончиво начала я. – Но Клара... мне бы не хотелось, чтобы привязанность негативно сказалась на ней позже.

– Почему вы думаете, что она скажется именно негативно? Седрик стал бы для нее хорошей партией, выскажи Кларакей такое желание.

– Ирвин, не играйте со мной. Я никогда не поверю, что вы не в курсе некоторых маленьких традиций нашей семьи.

– Вы о договоре? – как нечто малозначительное отметил он. – Бросьте, Илгерта, ни одну из ваших сестер не выдали замуж за другого мужчину, если она уже была влюблена. Даже Венейна, будучи четвертый год в договорном браке с первым мужем, познакомилась с Арлеком и иначе устроила свою судьбу. И остальные, насколько мне известно, вполне счастливы в семейной жизни и не расстроены тем, что ей поспособствовало.

Я замолчала, пытаюсь осмыслить его слова. Не знаю, почему это раньше не приходило мне в голову, но Ирвин был прав. Если Нейни и была несчастлива в браке, то вовсе не потому, что лайд Соран оказался мерзавцем. И после развода они сохранили вполне нормальные человеческие отношения. А уж в сыне сестра и вовсе души не чаяла.

Что же касается остальных... Так получилось, что ни Трисс, ни Беренис, ни Гвен не встретили избранника до двадцати пяти. Может, сказался передавшийся папин характер, может – воспитание, но факт остается фактом – большую часть времени и сил сестры тратили не на флирт и свидания, а на учебу. Совесть или гордыня, но что-то не позволяло им расслабиться и не стараться стать лучшими из лучших.

А когда Дениза, наша воинственная красавица, встретила судьбу в лице дроу, папа действительно не стал подыскивать ей более подходящего жениха, а нашел плюсы в их браке.

Интересно, а если бы я уже была влюблена? Пошел бы папа против моих чувств к неподходящему, на его взгляд, мужчине? Впрочем, представить себя испытывающей настолько сильные чувства, чтобы они затмили собой чувство долга, я была не в силах.

– Так что будь у вас на примете достойная кандидатура на роль жениха, лететь бы планам Навастира и моего дяди в бездну, – словно подслушав мои мысли, констатировал Ирвин. И, как ни странно, я склонна была с ним согласиться. Впрочем, не сомневаясь при этом, что они бы все равно развернули ситуацию в нужную сторону.

А еще спустя недолгое время Ирвин поймал меня на том, как я, прикрываясь ладонью, зевнула. И вместо того, чтобы пройтись по моему воспитанию, вполне миролюбиво поинтересовался:

– Устали?

– Немного. Жаль, что это не просто бал и нельзя уйти в любой момент.

– Почему?

– Может быть, потому, что это наша, – вполне неплохо спародировала его тон, – свадьба?

И все эти люди пришли сюда ради нас?

– Эти люди, – не согласился супруг, – пришли сюда развлечься. И наше присутствие им давно уже безразлично. Так что пойдете. – И он встал, предлагая мне руку.

– Куда? – Признаться, я уже думала, что мы сейчас начнем пробираться к выходу в надежде, что никто этого не заметит.

– Последний танец вы мужу подарите, я надеюсь?

Если этот день и был моим, то явно не в том смысле, на который стоило надеяться.

Либо же супруг специально дожидался нужной мелодии. И дождался, чтоб его...

Этот танец не был предназначен для случайных партнеров или друзей. Только супружеские пары, сохранившие чувства, и любовники. Так что в центре зала осталось не так много людей, и когда Ирвин вывел туда меня, держа не под руку, а за нее, то не стоит и гадать, на ком сосредоточились все взгляды.

И мне потребовалась вся выдержка, чтобы отстраниться от окружающей действительности, сосредотачиваясь на одном только человеке.

Истоки этого танца уходили глубоко в старину. В прошлое Заривии, когда его танцевала жена для мужа за закрытыми дверями спальни. Это уже потом он стал парным и перешел в бальные залы, не растеряв при этом чувственности и откровенности.

Я отвернулась от Ирвина, позволяя ему встать за моей спиной почти вплотную, не касаясь ничем, кроме обвившей плечи прямо над грудью правой руки. И постаралась расслабиться, отдавая ему управление собственным телом. Кажется, мне это удалось.

Резкое движение, и мы оказываемся лицом к лицу. Его рука спускается на талию, одновременно вынуждая меня прогнуться назад, – так, что будь волосы распущены, определенно коснулись бы плит пола. Проведя невидимую дугу, муж возвращает меня в вертикальное положение и вновь ускользает за спину. Его руки сползают вниз, останавливаясь на моих бедрах, и я послушно повторяю вслед за ними движения, похожие на медленно раскачивающийся маятник. Новый разворот, кончики пальцев, приподнимающие мой подбородок, и вновь маятник, только уже плечами.

Движения связываются в затейливую вязь, где Ирвин то притягивает меня к себе почти вплотную, заставляя радоваться, что я с головы до ног укутана в несколько слоев ткани, иначе, ей-боги, могла бы обжечься об него, то отталкивает, пусть и на доли секунд.

Он играет со мной и играет мной – в предписанных рамках, но позволяя смотреть в глаза, хотя мне и положено опустить их долу. Кажется, только сейчас я начинаю окончательно понимать, почему этот танец считается одним из самых страстных. Потому что, когда ты отдаешь себя в руки мужчины, особенно такого, как Ирвин, хочешь ты того или нет, а его прикосновения действуют возбуждающе. И как-то очень быстро отходит на второй план все, кроме вас – тебя и его.

Когда музыка прерывается на высокой пронзительной ноте, я сама тянусь к его губам, все еще находясь где-то там, в плену танца и фантазий, но никак не в зале, полном народа. И он отвечает не как степенный муж, а скорее как любовник, сумевший украдкой сорвать поцелуй в темноте коридора, со всей страстью и, пожалуй, агрессивностью. А я совсем не против этого, лишь обвиваюсь руками вокруг его шеи, чтобы быть еще ближе, хотя кажется, что ближе уже и некуда. А затем раздаются рукоплескания – сначала редкие и одинокие, но постепенно набирающие обороты.

Меня словно холодной водой облили. Боги, что я творю?!

– Вот вам и повод уйти, – насмешливо прошептал Ирвин, нимало не смущенный ситуацией, пока я прятала пламенеющее лицо, уткнувшись в его плечо.

– И что подумают люди?

– О, нам на руку все, что они подумают. – Слегка отстраняясь, он вынудил меня развернуться к зрителям лицом. – Лайды и лайди, – голос Ирвина разнесся по всему залу, хотя я могла бы поспорить, что он не повышал его, – мы с супругой благодарны всем, кто был с нами в такой важный день. И хотя вечер продолжается, мы продолжим его уже в другом

месте. Еще раз спасибо всем, кто почтил нас своим присутствием. – Он слегка наклонил корпус, лишь изобразив поклон, и подал знак одному из теней. А в следующий момент перед нами распахнулся портал, куда муж жестом предложил войти мне первой.

И слава богам, потому что среди вновь раздавшихся рукоплесканий мне явно не почудились понимающие смешки присутствующих.

Портал привел нас в чьи-то покои. И они точно не были дворцовыми покоями Ирвина, в которых мне уже пришлось сегодня побывать. Окна, за которыми плескалась темнота, затрудняли идентификацию, а других зацепок я пока найти не смогла.

– Добро пожаловать в арл Виарди, – словно прочитав мои мысли, произнес супруг, расстегивая камзол и откидывая на ближайшее кресло. Через секунду туда же улетел шейный платок, явно создававший Ирвину дискомфорт, хоть он и не позволил себе это проявить.

– Вы это специально? – Игнорируя его фразу, как и начало разоблачения едва ли не на пороге спальни, я непримиримо сложила руки на груди.

– Снял платок? – приподнял брови Ирвин, параллельно расстегивая запонки на рубашке и подкатывая рукава до локтей. – Определенно.

– Устроили это... это представление перед гостями!

– Вы же сами желали уйти, разве нет?

– Но не таким же способом! Можно же было сделать это как-то более скромно.

– А еще лучше уползти под столами, верно? Илгерта, сколь бы скромным способом мы ни удалились, все бы все равно сделали для себя определенные выводы. Так что не забивайте голову всякой ерундой, оно того не стоит.

– И чем же мне ее тогда забивать, позвольте спросить? – стараясь не слишком коситься опасно в сторону кровати, поинтересовалась я.

Ирвин ухмыльнулся и уже явно был готов ответить что-то едкое, но тут ожил его эхо. Подняв указательный палец, словно намекая, что разговор не окончен, он ответил на стук.

– Слушаю?

– Ир, ты занят? – Мужской голос разнесся, против ожидания, по всей комнате. Непонятно, правда, почему Ирвин не принял стук на ментальной волне.

– Сейв, ты ничего не перепутал? У меня вообще-то первая брачная ночь, – бросив на меня беглый, но отнюдь не недовольный взгляд, в ответ поинтересовался муж.

– Вы удалились несколько минут назад, не думаю, что ты уже успел приступить к делу. – Неизвестный Сейв беспардонно хохотнул. – И ты сам сказал стучать, если станет что-то известно о тех полоумных, что напали на тебя сегодня.

– Говори! – Ирвин замер, словно пес, учувший опасность.

– Двоих раскололи, остальные пока молчат. Но уже есть кое-что интересное. Давай, ты подскочишь, как закончишь? Лучше расскажу лично.

– Через пять минут в моем кабинете. И чтобы ни одна душа не узнала!

Супруг развернулся ко мне, словно подсчитывая, успеет ли за пять минут. А я старалась выровнять дыхание и убедить себя, что вlepить ему сейчас пощечину будет хоть и очень заманчиво, но несколько не к месту. Во-первых, меня тоже интересовало, что рассказали нападающие, следовательно, позже можно будет попытаться выудить из него хотя бы часть информации. А во-вторых... Стоит ли говорить, что к логичному завершению свадьбы я относилась весьма хладнокровно (подвеска-то с шеи пока никуда не делась), но совершенно без желания. На самом деле все казалось каким-то нереальным, происходящим не со мной.

И хотя определенные познания в теме я имела и, что должно произойти, знала, но вот как?

– Вы не против? – погрузившись в самокопание, я, очевидно, пропустила вопрос Ирвина.

– Простите?

– Я спросил, не против ли вы, если я покину вас?

– Сейчас?

– Нет, через пару часов, – слегка раздраженно пояснил муж. – Конечно, сейчас, вы же слышали разговор. Если только вам не требуется мое внимания в срочном порядке. – И взглядом указал на кровать.

– Нет-нет, конечно, идите, вдруг там что-то важное, – обрадованная возможностью отсрочки, зачастила я.

– Отлично. В таком случае светлых снов, Илгерта. – И, не дожидаясь ответных пожеланий, он исчез в портале.

Несколько секунд я продолжала стоять, не в силах окончательно поверить, что он ушел. Просто развернулся – и ушел. В нашу, архайн ее побери, первую брачную ночь! Наверняка это такая глупая шутка, с минуты на минуту вновь откроется портал, и Ирвин вернется с этой своей дурацкой усмешкой на губах.

Но ни через минуту, ни через две этого не произошло. Я подошла к креслу, на спинке которого висел камзол мужа, а на подлокотнике платок, и буквально упала в него. А затем притянула к себе на колени шелковую ткань и в считанные мгновения превратила ее в измятую тряпку, хотя бы этим выразив отношение к его поступку.

Хорошо можно было успокоить себя тем, что такой расклад сыграл в первую очередь именно в мою пользу. И ночь, судя по всему, я могу провести спокойно и без нежелательных посягательств. Но это ни капли не умаляет того факта, что подобное поведение иначе, как свинским, назвать нельзя! В самом деле этот индюк в очередной раз наглядно продемонстрировал – я ему настолько неинтересна, что даже в такой момент он просто променял меня на работу. И это после того, как буквально недавно я сама – сама! – поцеловала его.

Где-то внутри поднималось обычно несвойственное мне желание сделать обожаемому супругу какую-нибудь гадость. Учитывая то, что подобным я не увлекалась ни в академии, ни даже в школе, можно представить, насколько меня задело такое отношение. И убедить себя в том, что воспитанной лайди не подобает опускаться до мелкой мести, оказалось весьма трудно.

Пытаясь окончательно успокоиться, я прошлась по покоям, пользуясь отсутствием хозяина и заглядывая в каждый уголок. Впрочем, то ли здесь ничего не прятали, то ли прятали слишком хорошо, но ничего интересного найти не удалось. Разве отметила, что одна из дверей вела в смежную спальню, очевидно, предназначенную для меня. Это подтверждали и мои вещи, развешанные в просторной гардеробной комнате – слуги сработали как никогда четко.

В общей сложности осмотр занял едва ли больше часа. И возник вопрос, был ли смысл вообще дожидаться Ирвина? Да, его пожелание предусматривало, что спать я лягу одна, но... Но кто поможет мне справиться с платьем? Представляю реакцию слуг, если я сейчас вызову камеристку, дабы та помогла разоблачиться. Мелькнула мысль так и сделать, да еще и намекнуть легонько, дескать, новоиспеченный муж с этим сам не справился. Но лайдин

Силета не зря вдалбливала в наши головы, что, позоря супруга, ты позоришь в первую очередь себя. А этого делать я ни в коей мере не планировала.

Тихо помянув Ирвина словами, что в приличном обществе произносить не принято, я достала ночную рубашку (из тех, в которых привыкла спать дома, а не ту, что была подготовлена для сегодняшней ночи) и направилась обратно в его спальню. Верхнее платье снять оказалось просто – расстегнуть фибулу^[29], да и все дела. С нижним пришлось помучиться из-за чуть ли не двух десятков мелких крючков, находившихся на боку слева. К счастью, мастерица расположила их именно там, полагая, что складка сзади будет некрасиво просвечивать сквозь кружево. А дальше ждала самая большая проблема – корсет. На нем тоже были крючки, как раз на спине. Но вдобавок к ним шла еще и лента, коей достигался желаемый объем талии.

Хотела бы я полюбоваться выражением лица преподавательницы, которая вела у нас основы воздушной стихии, будь у нее шанс увидеть разыгравшееся перед зеркальной гладью зрелище. Едва ли она предполагала, что кто-то попытается манипулировать воздушными потоками, чтобы ослабить корсет. Впрочем, усилия были тщетны – в этом я убедилась примерно на пятой попытке. Точнее, развязать затейливый бантик вышло с первого раза, а вот остальное... Намучившись и убедившись в том, что других вариантов нет, я взялась за нож для писем. Странно, что кто-то вообще держит подобные вещи в спальне, но это было мне на руку.

Металл оказался достаточно острым, а корсет – плотным, чтобы не бояться поранить спину. Уже через несколько секунд по полу рассыпались остатки ленты, дышать стало существенно легче. И, стянув с ног чулки, а с кровати – покрывало, я так и улеглась спать прямо в корсете поверх камизы да с кучей шпилек в волосах. Разве что диадему и серьги отложила на тумбочку. И последней мыслью засыпающего сознания было обещание высказать мужу свое честное мнение относительно его поступка. А гарантированная головная боль вместе с болью в ребрах послужит хорошим стимулом про это обещание не забыть.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Шатэ – легкий алкогольный напиток, аналог земного вина или сидра из плодов дерева шатэйа. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Эхо – магическое средство связи.

Лайди – обращение к незамужней девушке-аристократке.

Астэт-арл – высший аристократический титул. Следующими идут витте-арлы, нерос-арлы и арлы.

Лайд – обращение к мужчине-аристократу независимо от его семейного положения.

Альрамовая лента – аналог золотой медали или красного диплома.

Лайдис – обращение к замужней женщине-аристократке.

Льяса – сладкая ягода, по запаху похожа на клубнику или землянику.

Альд – самая крупная денежная единица; монеты изготавливают из драгоценного металла альрама. Альд состоит из десяти золотых зольдов, сотни серебряных сальдов и тысячи медных мильдов.

Исход – праздник окончания года.

Зайни – вторая мать. Обращение к кормилице, женщине, воспитавшей ребенка или просто оказавшей большое влияние на его жизнь.

Писарь – графит, обработанный магически и облаченный в футляр из дерева, металла, кости и т. п. Не ломается, как стержень карандаша, и не стирается.

Д'арл – приставка «д'» означает «старший» или «главный».

Лекарь – с магическими способностями.

Врачеватель – без магических способностей.

Магистрат – третья ступень магического образования. Всего их четыре: маги, магистры, магистраты, мэтры.

Веяса – вид крупных кошачьих, отличающихся спокойным характером, благодаря чему они популярны в домашних зоопарках. Снежными названы по цвету серебристо-белой шкуры.

Тай – напиток из трав или листьев деревьев, пьется как в горячем, так и в холодном виде.

Шелковый альков – медовый месяц. Название осталось с тех времен, когда первый месяц после брака молодожены спали непременно на шелковых простынях. Относилось к аристократии, но прижилось и в простонародье.

Доминг – ездовое животное, выведенное магически на основе генов горных пум.

Идаско – специальный костюм для верховой езды из немнущейся ткани, обязательно включающий в себя юбку-брюки.

Тени жениха и невесты – свидетели на свадьбе.

Семерик – седьмой день недели, всего их девять – шесть будней и три выходных.

Кад – обращение к гному. Для женщин – кади.

Самари – язык, на котором говорит большинство населения человеческих стран. В тех, где основными являются другие языки, рекомендован к изучению среди аристократии.

Камиза – нижняя одежда, подобие туники с длинными рукавами.

Диа – сан жреца.

Пиарс – медленный первый танец, в котором состав пар неизменен на всем протяжении мелодии.

Фибула – металлическая застежка для одежды, одновременно служащая украшением.

Вестник – артефакт, создающий магических голубков и позволяющий отправлять и получать мелкую корреспонденцию.

Такар – ошейник, инкрустированный камнями.